

Череп епископа

Автор:

[Александр Прозоров](#)

Череп епископа

Александр Дмитриевич Прозоров

Боярская сотня #2

Они всего лишь хотели сыграть в ролевую игру. Воссоздать великую битву далекого прошлого. Но - что-то случилось. Прошлое само настигло их и стало реальностью. Вихри времени забросили людей нашего столетия в кровавую эпоху царя Ивана Грозного. В страшные годы опричнины и бесконечных войн с Ливонским орденом. Здесь надо уметь сражаться. Здесь надо учиться выживать...

Александр Прозоров

Череп Епископа

Часть Первая

Золото

Утро

Солнце еще только собиралось выглянуть на остывшее за ночь небо, когда на поляну, укрытую густыми белесыми клубами тумана, выбрался из кустарника бородатый мужчина, одетый в плотно облегающие ноги темно-серые шерстяные штаны, больше похожие на чулки, и козью душегрейку. С пояса его свисало несколько тонких ремешков, голенища коротких остроносых поршней плотно притягивала к голени тонкая бечева. За спиной, спрятанный от посторонних глаз, таился широкий острый нож, а за пазухой истекал последними каплями еще теплый заяц, попавшийся в спрятанные в зарослях силки. Длинноухий не то чтобы большой, гривенок на пять – но он давал возможность и детишкам малым хоть раз мяса куснуть, да и хозяину с женой жаркого попробовать.

В этот миг порыв ветра разорвал стену тумана впереди, и охотник увидел стоящие на лесной прогалине два широких белых шатра, в окружении четырех маленьких – ярко-синих, желтых и красных. У мужчины едва не подогнулись коленки от ужаса – ему, землепашцу из Раков, маленькой деревеньки Вильяндской комтурии, бесправному рабу Ордена, за охоту в господских лесах полагалась немедленная смертная казнь, убей он даже не зайца, а голубя или вовсе крохотного дождевого червяка.

Присев и втянув голову в плечи, мужчина медленно попятился, каждую секунду ожидая удара копьем в спину от незамеченного караульного – но заплутавшая в тумане смерть в этот раз прошла мимо, позволив браконьеру уползти обратно в кусты и, таясь и пригибаясь, обойти стоянку ненавистных рыцарей далеко, далеко кругом.

Тем временем пола одного из шатров откинулась, и из нее в белесую влажную пелену шагнул молодой парень лет двадцати, высокий, русый и широкоплечий, одетый в красно-белые полосатые плавки, разукрашенные множеством звездочек и свободную футболку с синей надписью «Зенит-чемпион» на груди. Дойдя до кустарника, парень, непрерывно позевывая, обильно окропил то место, где только что стоял местный охотник, после чего двинулся к сложенному между шатров хворосту. Сегодня была его очередь варить утреннюю кашу для «Ливонского креста».

Когда отблески огня заплясали на стенах ближайших палаток, в них тоже началось шевеление. Вскоре из небольшой синей палатки одна за другой появились одетые в трико девушки, нервно хихикая и ежась от утренней свежести побежали к кустарнику. Из больших палаток появились мужчины, тоже заспанные и легко одетые.

– Эй, Витя, скоро завтракать? – окликнул один из них парня у костра.

– Как готово будет, так и поедите, – низким голосом ответил парень. – Морду лица лучше пока умойте, а то так и норовят в тарелку грязными руками влезть.

– Какая связь? – не понял мужчина.

– Простая, – усмехнулся парень. – Кто станет спорить – жрать не дам.

Виктор Кузнецов два года назад вернулся из армии – если только можно применить слово «назад» к событию, которое произойдет только через четыреста пятьдесят лет. Срочную службу он закончил с погонами старшины и в должности старшины роты – и всякий, знакомый с армией поймет, что для подобной «карьеры» мало просто честно тянуть ляжку, а необходимы и мозги, и решительность, и находчивость, и умение командовать, и способность заставлять других выполнять свои приказы, заставлять порою вопреки желанию подчиненного. Если выпускнику офицерского училища или курсов прапорщиков право приказывать присваивают вместе с погонами, то обычному призывнику – равному среди равных – для занятия командирской должности необходимы талант и властность десяти Наполеонов.

Правда, в клубе «Ливонский крест» никаких званий и должностей Кузнецов не имел, да и не пытался иметь – все равно никакой реальной власти участие в «самодеятельности» не принесет. Однако и помыкать собой не позволял никому. Ходил он в клуб просто для того, чтобы получить разрядку – стряхнуть тоску, накапливающуюся за долгие смены нудной слесарной работы. Поэтому-то он никогда и не упускал возможность затеять дуэль или выступить в турнире. Надеть кирасу и шлем, да взять в руки меч – это вам не пиво перед телевизором сосать.

Возможно, человек, тратящий в конце двадцатого века все выходные на овладение мастерством боя на мечах или изготовление доспехов, может показаться странным – однако Виктор лично знал мужичка, каждую субботу с утра и до глубокого вечера проводящего за чисткой, подсветкой и комплектацией восьми расставленных дома аквариумов. И не без основания считал, что рубка на мечах – дело для мужчины куда более пристойное.

Вода в казане закипела, Кузнецов кинул туда горстку соли, высыпал куль пшенки и кастрюльку мелко поструганного слегка подкопченного сала, срезанного с добытого еще в Кронштадте кабана. Над поляной тут же запахло едой, и те, кто еще не успел подняться, стали торопливо выбираться из палаток.

Получаса как раз хватило и на то, чтобы запоздавшие с подъемом мужчины успели добежать до ручья и слегка ополоснуть лица, и на то, чтобы каша «доспела» и уступила место над огнем двум закопченным чайникам, и на то, чтобы солнце разогнало туман и стало с интересом присматриваться к путникам через узкие промежутки между кучевыми облаками.

Подкрепив свои силы, мужчины свернули палатки, расовав их по рюкзакам, а потом начали облачаться поверх толстых свитеров, а то и ватных безрукавок, в блестящие кирасы. Большинство кроме кирас и шлемов никакого защитного вооружения не имело, но кое у кого холодно поблескивали поножи, а то и похожие на маленьких броненосцев латные рукавицы.

– Я так думаю, до замка Сапиместкой фогтии осталось часа два-три хода, – сообщил высокий мужчина лет сорока, застегивая на груди белый плащ с вышитыми на спине и нижних углах черными крестами. – Так что дамы могут надеть подобающие случаю наряды.

– Я что, еще десять километров буду землю длинным подолом подметать? – возмутилась одна из девушек, в бейсбольной кепочке, короткой капроновой куртке и джинсах. – Потом переоденемся.

Минут через десять все собрались, закинули за спины каркасные рюкзаки, смотрящиеся довольно странно рядом с арбалетами, щитами и длинными мечами, и вышли с поляны на дорогу. Теперь стало ясно, что в окрестных кустарниках не таилось никаких дозоров, секретов, вокруг ночного лагеря не выставлялось никаких постов, и весь отряд состоял всего из двадцати одного человека, из которых двое были женщины.

– Вот, обратите внимание, – развел руками мужчина, одетый в плащ рыцаря Ливонского Ордена. – Это вам не дикая немытая Россия. Нормальная широкая дорога, никаких корней вдоль и поперек, никаких сучьев и кустов посередине колеи. Да даже в наше время половина дорог выглядит хуже этой!

Лесной тракт действительно позволял спокойно катиться мужицкой телеге или барской карете, не опасаясь зацепиться о ствол слишком близко выросшего дерева или поцарапать отделку о выпирающий поперек колеи толстый сук. Деревья и кусты были вырублены на несколько шагов по обе стороны, и встретившиеся телеги при необходимости смогли бы здесь даже разъехаться, выкатившись правыми колесами на траву.

– Да брось ты, Саш, – не выдержал один из мужчин. – Дождь пройдет, ни тут, ни там проезда не станет.

Словно услышав его слова, набежавшая туча закрыла солнце и принялась трусить на пеших воинов мелким противным дождем.

– Бр-р, холодно, – передернул плечами замыкающий колонну Кузнецов. – Не май месяц на улице. Зима скоро, а я как в легких ботиночках из дома выбрался, так все и гуляю. Этак и дуба дать недолго.

– Кто же знал, Витя, что мы в тысяча пятьсот пятьдесят втором году окажемся? – попытался утешить его ближний воин. – Знай мы про такое, не то что ботинками, гранатометами бы запаслись! Уже бы королями и маршалами заделались.

– Если бы да кабы, – хмыкнул Кузнецов. – А холодно здесь и сейчас. Зря мы из Кронштадта уплыли. Там хоть дома стояли, а тут... Надоела что-то мне эта Европа хуже горькой редьки!

– Ну, бодрее, рыцари! – оглянулся на отряд идущий первым магистр. – Скоро замок местной фогтии. Там и отдохнем, и поедим. Я так думаю, нам следует держаться вместе. Хотя, конечно, по уставу Ордена, рыцарей могут направить жить в монастыри. Учиться воинскому мастерству и набираться сил. Но мы попробуем договориться. В конце концов, готовый единый отряд тоже кое-что значит.

– Нет, ну почему же? – отозвалась девушка в желтой капроновой куртке. – Пожить в мужском монастыре – в этом что-то есть.

Отряд отозвался веселым смехом.

Вскоре дождь прекратился, так и не сумев толком размочить глинистую землю, но тучи не разошлись. В воздухе висела промозглая сырость, которая не превращалась в иней, видимо, чисто из принципа, поскольку на дворе стоял сентябрь и календарная зима еще не началась. Когда лес разошелся в стороны, открывая обозрению широкие луга с редкими одиночными деревьями и темную, высокую громаду замка, путешественники с облегчением вздохнули и остановились. Мужчины скинули рюкзаки, проверили оружие, поправили доспехи. Те, у кого они имелись – надели плащи. Обе женщины достали пышные чепцы, объемные котты и сюрко с вышитыми нагрудниками. Учитывая погоду, свои платья они надели прямо поверх блузок и джинсов – хорошо хоть куртки сняли. Одна из девушек украсила себя ожерельем из крупного жемчуга, вторая – рубиновым колье. Впрочем, учитывая размер «драгоценных камней», и то, и другое явно было бижутерией.

– Вот, добрались, – с плохо скрываемым волнением сообщил Александр и нервно хихикнул: – Представляю, какие у них были бы лица, прикажи я сообщить, что явился Великий магистр «Ливонского Креста» со своими рыцарями. Придется на время забыть про титулы двадцатого века. Отныне мы просто странствующие рыцари, которые желают влиться в ряды великого Ливонского Ордена. Ну что, все готовы? Тогда пошли.

Сопиместский замок был сложен из темно-красного кирпича и представлял собой прямоугольное здание почти пятидесяти метров в длину и двадцати в ширину, с единой двускатной крышей из покрытой мхом черепицы. Фасад его, смотрящий в открытое поле, возвышался на высоту девятиэтажного дома, причем его органичную часть составляла круглая башня со множеством бойниц, с каменными зубцами и флагштоком наверху. На вторую башню то ли не хватило кирпича, то ли фантазии, но левую сторону фасада венчала всего лишь махонькая, укрытая островерхим шатром башенка с тремя узкими бойницами и тремя же круглыми окнами над ними. Станным контрастом рядом с узкими бойницами раскрывались широкие и высокие окна в готическом стиле в нижнем ряду, метров в пяти над землей, и прямоугольные окна на уровне шестого этажа.

Уходящие в дубовые заросли тылы замка в мощной защите, видимо, не нуждались, поскольку строители сделали все остальные стены чуть не втрое ниже фасада, и даже конек кровли не дотягивался до высоты башни метра на четыре. Вдоль этих низких стен стояло три сбившихся в кучку бревенчатых домика. Судя по тому, что крыльца перед дверью не имелось – с земляными

полами и, судя по отсутствию трубы, все топились «по-черному». Со стороны домов доносились детский плач и мужская ругань, но людей видно не было.

Обогнув эти странные строения непонятного назначения, старающийся выдерживать некое подобие строя отряд подошел к дубовым, обитым толстыми железными полосами и многократно проклепаным воротам. Вблизи стало видно, что казавшиеся издали гостеприимно распахнутыми окна закрывали от всякого рода незваных посетителей решетки из вмурованных в стены темных прутьев, что с вершины башни настороженно смотрит вниз стражник в кожаном чепчике и толстой стеганке, а знамя на флагштоке представляет собой сложную вышивку, разделяющую полотнище на две части: в верхней стоит богоматерь с младенцем в руках, а в нижней – рыцарь на коленях, обнимающий замковую стену.

Великий магистр военно-исторического клуба «Ливонский крест» сделал два шага, преодолев последний отделяющий его от ворот метр, вытянул из ножен меч и несколько раз с силой ударил наверху в ворота. Отступил немного назад и стал ждать. Спустя несколько минут в правой створке отворилось небольшое окошечко, из которого на гостя уставились внимательные бесцветные глаза.

– Wir existieren wandernd ruzar, – тщательно подбирая немецкие слова, сообщил Александр. – Wir winschen, die Reihen tapfer Orden zu betreten... Ferchtein?

Человек за воротами кивнул и закрыл окошко.

Егор Клепатник ничуть не удивился визиту странных гостей. Раб кавалера Ругальта, взятый два года назад на очередную войну с ляхами, он на свою беду понравился господину толковостью и способностью говорить по-немецки, и так и не был отпущен домой, как прочие выжившие в походе. Теперь Егор вместе с двумя десятками таких же бедолаг нес в замке караульную службу, помогал на кухне с едой, наводил чистоту в покоях и следовал за фоггом Ругальдом при его выездах в окрестные селения или в город, побрякивая висящими на поясе ножом и мечом. Право на оружие стало для него единственной привилегией по сравнению с остальными подданными Ордена.

Клепатник успел привыкнуть к распорядку и обычаям замка, и знал, что на проходящий в главном зале конвент могут появиться самые неожиданные гости.

Далеко не все из них достаточно легко говорили на языке господ, не все приезжали на конях, и мало кто мог похвастаться такой свитой, как этот визитер. Поэтому привратник без особых сомнений прислонил к стене копье с черным засаленным древком, поднялся на второй этаж и толкнул тяжелую створку двери.

Рыцари пировали. Перед пылающим камином стоял накрытый скатертью стол кавалера Ругальта. Сам рыцарь сидел в кресле с прямой спинкой, держа в руке высокий золотой кубок, а рядом, на подлокотнике, расположилась большегрудая тонконогая девка в синем вытертом платье – Регина из уличной хижины. Гулящая ластилась к господину, и потихоньку ощипывала шматок горячего жирного мяса на его блюде. Пару раз такие выходки девки злили гостей, и тогда фогт в наказание отправлял ее ублажать воинов – но сегодня рыцарь выглядел довольным, и попробовать молодого тела Егору и его сотоварищам явно не намечалось.

Прочие рыцари умещались на простых скамьях за длинным столом из струганных досок, уставленным множеством кувшинов и подносов с целиком зажаренными гусями, поросятами и большими кусками убитого на охоте кабана. Кавалеры лениво тискали изрядно пьяных девок и радостно хохотали, наблюдая за марширующими по засыпанному соломой полу колченогими менестрелями. Первый из музыкантов весело стучал по подвешенным на поясе литаврам, второй бил палками в барабан, висящий на спине первого, а третий – в барабан второго. Менестрели раскачивались из стороны в сторону, старательно орали песню про отправившегося в дальний поход барона, и не забывали корчить разнообразные рожи. Вокруг процессии, громко лая, скакали черные гончие псы из своры кавалера фогта.

Воин замер в дверях, не решаясь прервать господского веселья, и лишь когда расшалившиеся псы сбили музыкантов с ног и стали играючи щелкать зубами возле их лиц, решился осторожно покашлять.

– У ворот стоит рыцарь, господин, – с поклоном сообщил Клепатник. – Он утверждает, что явился к вам по делам Ордена.

– Вот как? – фогт с громким стуком поставил кубок на стол и небрежным, якобы случайным движением локтя столкнул Регину с подлокотника. Девка, не ожидавшая подвоха, шумно рухнула на пол, не успев даже взвизгнуть, и собравшиеся в зале дворяне разразились громким хохотом. – Рыцарь, говоришь?

Я гостей не жду. Кто таков?

– Не знаю, господин, – пожал плечами Егор. – Первый раз вижу. Пеший он. Но с рыцарем охрана два десятка латников и две дамы в богатых нарядах.

– Дамы? – оживились члены конвента Сапиместкой фогтии. – Так что ты их на улице морозишь, серв! Немедленно зови сюда!

Хотя вступающий в Орден дворянин и давал обет безбрачия, это не мешало ему оставаться воспитанным мужчиной и настоящим немцем. Рыцари зашевелились, отпихивая от себя девок, стряхивая с платьев и камзолов крошки и растирая сальные пятна.

– Постой! – остановил воина фогт. – Прикажи принести свежей соломы и присыпать пол. А то кости и дерьмо собачье по углам валяются. Что благородный гость подумает о нашем замке? Самому не догадаться, дурак? И девок на конюшню всех! Нечего им за одним столом с дворянами сидеть.

– Слушаюсь, господин! – обрадовался Егор, поняв что очень скоро начатый господами праздник продолжится в солдатской казарме.

Суэта в замке продолжалась около часа, и лишь когда обширный зал был усыпан толстым слоем свежей соломы, в камин подброшена щедрая охапка дров, вслед с гулящими девками из зала изгнаны менестрели и собаки, а на столы добавлены полные кувшины вина, главные ворота распахнулись, пропуская членов военно-исторического клуба «Ливонский крест» внутрь.

Сразу за воротами начинался короткий коридор, упирающийся в деревянную решетку.

– Смотрите, – указал на дырки в потолке Великий магистр клуба. – Если нападающие взламывают первую дверь, то через эти дыры на них льют кипяток, сыпят раскаленный песок или просто стреляют из луков.

Клепатник, услышав русскую речь, вздрогнул и с подозрением оглянулся на гостей.

– Ты, Саня, нас так не пугай, – попросил его один из воинов. – Вон, смотри, решетка закрыта. А ну, как арбалетчики сейчас выскочат?

Однако после того, как Егор запер ворота, стоящий во дворе седой и бородатый Никон Рядопрях поднял решетку, низко поклонившись благородным, по виду, дворянам и молча указал на ведущую на второй этаж лестницу. Егор, положив руку на рукоять меча, так же молча, одними глазами, сделал старому воину знак следовать за пришельцами. Так, все вместе, они и поднялись в главные покои замка.

– Рад приветствовать тебя в нашем доме, брат по оружию, – поднялся навстречу гостям кавалер Ругальд. – Надеюсь, ты согласишься разделить с нами трапезу и расскажешь о причинах, побудивших тебя отправиться в путь. Но мне незнакомо твое лицо, брат. Назови нам свое имя.

– Ich bin Sie froh, Herren zu sehen, – облизнувшись, и старательно проговаривая слова поздоровался Великий магистр, не понявший ни слова из быстрой немецкой речи. – Mich rufen Alexandr, ich und meine Freunde wollen wir in den Mitgliedern Liwonskogo Ordena treten.

Из всей заблаговременно заготовленной фразы достаточно четко прозвучали только слова «Александр» и «Ливонский Орден». Однако даже они вызвали в фогте Ругальде удивление:

– Тебя зовут Александр, брат? Ты странно произносишь свое имя. Что ты хочешь сказать про Орден, я не понял?

– Wir wollen in Orden betreten, – повторил Великий магистр.

– Постой, Ругальд, – внезапно сообразил один из рыцарей. – Похоже, дворянин просится к нам в братство. У него очень странное произношение. Интересно, из какой земли он пришел?

В это время тихонько пробиравшийся вдоль стены Егор наконец приблизился к фогту Ругальду и прошептал:

– Мне кажется, они русские, господин.

– Что-о?! – не поверил своим ушам глава фогтии. – Русские? Здесь? В доспехах и одеждах нашего Ордена?

Он сделал шаг навстречу гостю и, глядя ему прямо в глаза, спросил:

– Ты действительно русский? Мой раб подозревает, что ты лживо присвоил себе звание нашего брата и рыцаря Ордена. Опровергни его слова, и я немедленно вздерну этого несчастного на одном из зубцов малой башни!

– Wir ist russisch gltig, – запинаясь, пробормотал Александр. – Wir wollen in den Mitgliedern Ordena betreten.

Рыцари, опрокидывая скамейки, вскочили на ноги – услышанные ими слова заставили бы вскочить даже мертвых крестоносцев! Самозванцы называют себя членами братства христовых воинов! И при этом имеют наглость явиться в замок одного из фогтов! И мало того: эти самозванцы – русские язычники!

– Никон, стражу сюда! – зычным голосом приказал фогт. – В подвал всех! И заberi у них оружие!

Однако Рядопрях, услышав первую команду, сразу кинулся за подмогой и разоружать гостей Ругальду пришлось самому. К первому он подошел к негодяю, посмевавшему накинуть на плечи плащ Ордена, вlepил ему звонкую пощечину, вытянул у самозванца меч, отшвырнул его в сторону, потом с наслаждением сорвал плащ и толкнул язычника в угол:

– С тобой мы поговорим особо!

Потом отобрал меч и щит у латника, стоящего рядом, бросил их под ноги, толкнул воина к дверям, так же легко и просто отобрал оружие у третьего самозванца. От стола к нему на помощь подошло еще несколько рыцарей – те, что сидели по другую сторону длинной, положенной на козлы столешницы выбираться поленились и наблюдали за зрелищем, потягивая из глиняных кружек пахучее подогретое вино. Самозванцы не сопротивлялись, растерянно хлопая глазами и неуверенно переглядываясь. Наверное, не ожидали, что их разоблачат так быстро.

– Ругальд, девок пока оставь, – попросил от окна румяный от выпитого рыцарь в светло-коричневом бархатном платье. – Надо пощупать, кого русские нам привели. Отправить на конюшню всегда успеешь.

Дворяне, оставшиеся у стола, довольно засмеялись, а сидевший крайним оруженосец в скромном кожаном жилете, но с толстой золотой цепью на шее поднялся со своего места, подошел к крайней женщине, запустил руку ей в волосы, запрокинув голову назад, а другой рукой крепко сжал грудь. Женщина болезненно вскрикнула и вскинула перед собой крепко сжатый кулак. Послышалось тонкое змеиное шипение.

Витя Кузнецов, как и все остальные члены клуба, мало чего понял из разговора своего Великого магистра. Однако, когда небритые, пахнущие дохлыми кошками, разодетые в бархат, парчу и увешанные золотом рыцари направились к членам клуба и принялись их деловито разоружать, когда под каменными сводами гулко раскатился звук от полученного Александром шлепка, стало ясно, что затея со вступлением в Орден не удалась.

Разумом Витя понимал, что нужно развернуться и уйти или, по крайней мере, оказать сопротивление, не дать себя раздеть и продать потом на каком-нибудь невольничьем рынке – но с оружием на них никто не бросался, повода к самообороне не давал, а начинать драку первым бывший старшина не решался. К тому же, хозяева замка вели себя настолько спокойно и уверенно...

– Что теперь будет? – не очень ожидая ответа, спросил Кузнецов.

– На землю крестьянами посадят, – откликнулся сзади Леша Комов. – Если в тюрьме не сгноят. А девчонок солдатам отдадут.

В этот момент Неля и закричала – один из рыцарей попытался за волосы оттащить ее в сторону. Прежде чем хоть кто-то успел кинуться к девушке на помощь, она вскинула перед собой руку... Короткое шипение – рыцарь вскинул руки к лицу и с руганью шарахнулся назад. Возникла короткая пауза, затем на Нелю кинулось сразу трое ближайших рыцарей – и тоже с воплями разбежались в стороны.

За столом, опрокидывая скамейки, вскакивали на ноги и обнажали мечи крестоносцы, к девушке приближалось еще двое немцев, а только-только протянувший руку к мечу Виктора враг отвернул туда же.

– Э-э, нет, – положил руку ему на плечо Кузнецов, поворачивая лицом к себе, и резко наклонил голову, нанося лбом удар рыцарю в переносицу. – Получи!

Крестоносец отшатнулся на пару шагов, но не вскинул руки к лицу, как ожидал Витя, а схватился за меч. Кузнецов прыгнул в сторону, выигрывая лишнюю пару секунд, и обнажил свой.

– Двери закройте! – крикнул он в толпу своих друзей. – Подмога подойти может!

Фогт Ругальд ринулся на наглого русского, собираясь развалить его одним ударом от макушки до самого копчика, но язычник, к его удивлению, довольно ловко прикрылся своим коротким мечом и попытался проткнуть ему грудь прямым ударом. Крестоносец еле успел отклониться, а русский, воспользовавшись мигмом передышки, поднял с пола ярко раскрашенный щит одного из своих приятелей.

О том, что противника придется убивать, Кузнецов не думал – но он настолько часто отработывал подобный маневр на тренировках, что руки сделали все сами: щит взметнулся навстречу мечу, нанося удар окантовкой не в клинок, а в запястье врага, а когда тот вскрикнул от боли, меч Виктора, остро заточенный после самого настоящего, а не учебного боя за Кронштадт, скользнул из-под деревянного овала вперед и легко, как во сне, по самую рукоять вошел в живот немца.

В Кронштадте, во время короткой яростной стычки, Кузнецов никого не убивал и даже не ранил – солдаты маленького форта быстро осознали неравенство сил и успели отступить еще до того, как первые поединки переросли в общую резню. Рыцарь оказался его первой настоящей жертвой.

Виктор ощутил, как сердце в груди словно остановилось, когда человек, только что живший, дышавший, строивший планы на будущее, удивленно приоткрыл рот, глядя ему в глаза, и начал медленно оседать вниз, сползая с клинка. Минута слабости – но через стол уже лезли новые враги, и инстинкт самосохранения заставил его забыть про только что совершенное убийство, переродил ужас от

содеянного в бешенство жаждущего боя берсерка, и Виктор уже сам, без малейшего содрогания выдернул меч из мертвого тела и со звериным рычанием ринулся в атаку.

– Х-ха! – его клинок со звоном столкнулся с клинком рыцаря в длинном светло-сером балахоне, отодвигая тонкое длинное лезвие в сторону, а щит чистенькой белой окантовкой врезался крестоносцу в основание носа. Влажное хрюканье, враг отвалился на спину, и вместо него Виктор увидел направленную точно в грудь, сверкающую в стремительном движении сталь.

Дзин-нь! – купленная на ролевой игре «Властелин колец» каленая кираса с честью выдержала удар, и Кузнецов с наслаждением обрушил всю тяжесть выкованного из волговской рессоры меча на растерявшегося немца. Чмок – в стороны некрасиво полетели кровавые ошметки, из рассеченной артерии ударила темная струя. Виктор по инерции сделал еще один шаг, вдохнул холодный воздух, веющий из близкого окна, резко развернулся.

Свалка у дверей заканчивалась. Несколько воинов из клуба, так и не решившихся поднять оружие на живых людей, валялись под ногами более решительных товарищей, и против них, злых и готовых на убийство, у пьяных бездоспешных крестоносцев не оставалось никаких шансов. К чести рыцарей – никто из них так и не встал на колени, не попросил пощады. Хотя, может, они просто не успели этого сделать.

Массивная дверь зала содрогалась от ударов – ее все-таки успели закрыть, и заложить темным от времени поперечным брусом. Еще не успев остыть после боя, готовый сражаться дальше – до тех пор, пока не умрет последний ливонец, Кузнецов подошел ближе, и приказал, покачав окровавленным мечом:

– Открывайте, здесь немцы уже кончились.

Судя по всему, многие из одноклубников испытывали те же самые эмоции, поскольку Леша Комов и Игорь Берч с готовностью сбили брус с крюков и отскочили в стороны, давая возможность новым противникам распахнуть створки.

В открывшийся проход ринулось с лестницы десяток одетых в коричневую кожу, вооруженных мечами и боевыми топориками воинов. Двое тут же оскользнулись

в крови, а остальные замерли, созерцая открывшуюся перед ними картину побоища.

– По-русски кто-нибудь понимает?! – рявкнул на орденских кнехтов Кузнецов. – Или немчура одна собралась?

– Понимаем немного, – отозвался из угла за камином Егор. – Чай, местные все. Из деревень здешних нас господа кавалеры забрали.

Клепатник выбрался из своего укрытия, в котором просидел всю схватку и, осторожно ступая между тел, встал перед Виктором. Не то, чтобы он был трусом – всю польскую войну в общем строю прошел – но какой смысл блистать отвагой, если фогта Ругольда зарезали чуть не в первую минуты схватки? Перед кем храбрость выказывать, если господин все равно убит? Руки ливонец старательно держал как можно дальше от рукояти меча, и на дистанцию удара к предводителю победителей старательно не приближался.

Воины в дверях так же немного попятнулись и опустили оружие. Драться за приезжих из далекой Германии сеньоров имело смысл только тогда, когда это сулило награду или избавляло рабов от гнева и наказания. А погибать просто так забранные от сохи земледельцы не собирались.

– Приберите здесь, – поняв, что сражение закончилось, Виктор опустил меч. Азарт схватки сменился неожиданным ознобом. – Выбросите трупы и почистите пол. Вопросы есть?

– Слушаюсь, господин, – признал власть над собой нового владельца замка Клепатник, низко поклонился и, прихватив за ноги труп фогского начетника, поволок его к дверям. Поскользнувшись в крови воины поднялись, засунули топоры за ремни и взялись помогать: рыцаря, ведавшего сбором налогов и штрафов, не любил никто.

Кузнецов, зябко передернув плечами, наклонился, вытер клинок о солому, вложил его в ножны, отошел к столу, налил полную чашку вина и в несколько глотков выпил:

– Не знаю, как вы, мужики, – повернулся он к одноклубникам. – А я жрать хочу, как сто китайцев.

Те сразу заговорили во весь голос, отчего по залу, отражаясь от голых каменных стен, принялось гулять неразборчивое эхо, кто-то начал даже смеяться, заново переживая перипетии боя, еще кто-то оживленно размахивал мечом над головой. Виктор нашел взглядом девушку в коричневом сюрко и с растрепанными волосами:

– Неля! Иди сюда! А ну, признавайся, красавица, чем это ты рыцарей шуганула?

– Да собак я боюсь, – смутилась она. – До смерти боюсь. Ну, вот и ношу с собой баллончик с перцовым аэрозолем. «Антидог» называется.

– «Антинемец» его называть нужно, – рассмеялся Кузнецов и, в порыве радости, крепко ее обнял. – Молодчина! А то ведь нас и вправду раздели бы и загнали свиней кормить. Никто ведь воспротивиться не попытался. Давай я тебе вина налью. Оно теплое, согреешься... Я сейчас, через секунду вернусь...

Налив девушке вина, Виктор отошел к наводящим порядок сервам и распорядился уложить погибших из числа своих знакомых в прохладном помещении и заказать им гробы, а с немцами разрешил поступить по собственному усмотрению. Воины гарнизона, надрессированные на послушание, как станки с цифровым управлением, кивнули.

– И принесите теплого вина, – добавил Кузнецов. – Кувшины на столах остыли.

Не то, чтобы он оставался безразличен к гибели недавних друзей – но пережитые во время боя эмоции словно заблокировали на время жалость, сострадание и боль. В его сознании чувства словно умерли, и остался только холодный разум. А разум подсказывал: сейчас путникам необходимо согреться, поесть, немного отдохнуть. Погибшим уже все равно...

– Ты прямо как король, – улыбнулась ему раздурманенная Неля. – Распоряжаешься с такой властью, что хочется вытянуться по струнке и отдать честь...

На последнем слове девушка запнулась и густо покраснела.

– Не король, а старшина, – поправил ее Витя. – Королей вокруг пруд пруди, а до старшины еще дослужиться нужно. Руки хозяйской здесь не хватает. Полы загажены, стекол нет. Ставни нараспашку, не смотря на холод, стол на каких-то козлах строительных стоит. Ничего, мы тут порядок наведем.

– Какой порядок?! – возмутился пузатенький тонконогий мужчина. – Вы тут что, остаться хотите? Бежать надо немедленно, пока никто про нас не узнал! Это же Орден! Мы на рыцарей Ордена покусились! Да нас тут всех в порошок сотрут, уничтожат, на осинах распнут и колья в сердца вколотят. Бежать!

Взлохмаченный, без белого плаща и в разодранном жилете Великий магистр настолько не совпадал со своей привычной, величественной внешностью, что Виктор узнал его далеко не сразу.

– Брось, Саша, – отмахнулся он, отламывая гусиное крыло и запуская в него зубы. – В замке нас так просто не взять. Отобьемся. Во всяком случае до весны. Не в лесу же нам зимовать, в самом деле?!

– Какая весна, Виктор?! – задохнулся Великий магистр. – Это же Ливонский Орден! Самая могущественная военная организация в мире, братство закованных в сталь воинов. Как только они узнают, что тронули кого-то из крестоносцев, сметут вас вместе с замком!

– Положим, сегодня смести не смогли, – напомнил Кузнецов.

– Их застигли врасплох! Они не успели ни латы надеть, ни вооружиться. Сойдись вы в честном поединке, и каждый рыцарь стоил бы десяти таких, как вы!

– Так уж и десяти? – вчерашний слесарь, успевший озаботиться проблемами порядка и отдыха, еды и нарядов по замку мысленно вновь стал старшиной: царем и богом артиллерийского батальона, выше которого нет никого и ничего, поскольку даже офицеры все хозяйственные вопросы вынуждены решать через него. Он больше не воспринимал главу клуба как безусловного руководителя, а всего лишь как одного из собеседников. – Ты забываешь, Саша, что мы находимся в тысяча пятьсот пятьдесят втором году, а не в конце двадцатого века. Здешние рыцари отстают от нас почти на полтысячелетия. А искусство фехтования все это время на месте не стояло. Вспомни, как японские самураи в тысяча пятьсот семьдесят четвертом году на испанцев наскочили. Ну и что? А

теперь япошки на мечах не хуже запорожских казаков рубятся. Четыре века прошло, не шутка. Так что, еще неизвестно кто кому в чистом поле костью навешает!

- Ты что не понимаешь, Витя?! Это же немцы! Рыцари! Они непобедимы! Не нам, лапотникам, с ними сражаться.

- Нет, не понимаю, - пожал плечами Кузнецов, и потянулся за новым куском гусятины.

- Короче, так! - решительно ударил ладонью по столешнице Александр. - Поели, и хватит. Уходим немедленно.

Никто не шелохнулся.

- Я кому сказал? Уходим!

- Да нет, Саш, - покачал головой Комов. - Здесь и вправду спокойнее.

- К тому же, - добавил Игорь Берч, - из истории неизвестны случаи гражданской войны в рядах Ливонского Ордена. Значит, против нас никто из местных воевать не станет.

- Да они не против вас, они замок от вас освободят!

- Эй, вы чего делаете?! - встрепенулся Кузнецов, увидев, как два местных воина приволокли огромные охапки соломы и принялись разбрасывать ее по полу.

- Кровь засыпаем, господин... - удивленно остановился Клепатник.

- Тебя как зовут, солдат?

- Егором.

- Так вот, Егор, - спокойным размеренным голосом сообщил Виктор. - Я приказал вычистить пол, а не засыпать его новой грязью. Вы-чи-стить. У вас тут столько

грязи и земли, впору капусту сажать! Вычистить все да самого низа! Хочу увидеть первозданный пол! Ясно?

– Да, господин.

– Очень хорошо.

– Я уйду отсюда! – повысил голос Великий магистр. – Кто со мной?.. – он выждал несколько секунд. – Ну, смотрите. Вам же хуже будет!

И напоследок, в качестве последнего, самого страшного оскорбления бросил:

– Русские!

Спустя четыре минуты Егор Клепатник закрыл за ним ворота, затем заглянул во двор, взял там лопату и отправился в главный зал – мыть пол.

Еще до того, как утренние лучи упали на поля Сапиместской фогтии или просторы Балтийского моря, во влажные от росы ворота замка Дерптского епископа постучал низкий человек в темной рясе. И он сам, и его напарник подошли к дверям пешими, лица обоих тонули во мраке под глубоко надвинутыми капюшонами. Пожалуй, ни один горожанин не отворил бы в такое время дверь перед странными незнакомцами – и тем не менее, калитка замка распахнулась едва ли не сразу после того, как стих стук последнего удара.

Монах-привратник, почтительно склонив перед гостями голову, пропустил их во двор, вновь запер калитку, заложив ее толстым брусом. Затем, засунув пухлые ладони в широкие рукава рясы, отчего руки оказались сложены на груди, монах скромно потупил взор и двинулся вперед, указывая дорогу. Спустя несколько минут все трое вошли в полутемный зал с открытыми в ночь высокими готическими окнами. Привратник молча указал гостям на приготовленные у стола кресла и попятился наружу, притворив за собой створки.

Зал, все убранство которого составляла подставка для совка и кочерги, стол и возвышающиеся вокруг него три кресла освещался только пляшущими в камине языками пламени. В их свете предметы казались призрачными, нереальными,

постоянно меняющими формы. Сидящий за столом человек в коричневом бесформенном балахоне так же, казалось, то появлялся, то исчезал, скрываясь в тени высокой спинки. И только массивный золотой крест на его груди постоянно продолжал светиться ровным желтым светом, то зависая во мраке, то оказываясь на груди худощавого хозяина замка.

Гости заняли свободные места, молитвенно сложили ладони на груди.

– Наверное, вы совсем замерзли в дороге, господа, – с легкой хрипотцой подсадовал хозяин. – Я прикажу принести подогретого вина.

От неожиданного громкого мелодичного звона гости вздрогнули. Хозяин еле слышно усмехнулся и поставил на гладко выскобленную столешницу серебряный колокольчик. Буквально в тот же миг двери распахнулись, церковный служка —мальчонка лет десяти в коротком подряснике – внес три высоких золотых кубка, отрепетированным движением выставил их на стол и выскользнул так же бесшумно, как и вошел. Стало понятно, что предутренних гостей ждали – согреть и разлить вино так быстро просто невозможно.

Незнакомцы переглянулись и откинули капюшоны. Под одним из них скрывался пожилой человек с аккуратно выбритой тонзурой, а под другим – скуластый остроносый мужчина лет тридцати с длинными соломенными волосами, перехваченными тонким кожаным ремешком, который украшали узкие серебряные заклепки.

Неожиданно хозяин поднялся из-за стола и, сопровождаемый недоуменными взглядами, ушел. Вместо него из темного угла за камином выдвинулся точно так же одетый человек, похожего телосложения и того же роста.

– Рад видеть вас, господин прелат и господин нунций, – откинул человек капюшон и сел на оказавшееся пустым место. – Ваш визит большая честь для меня.

Он взял колокольчик двумя пальцами, словно боясь обжечься, встряхнул, заставив его жалобно зазвенеть. Спустя минуту за дверьми заиграла музыка.

– Ведь вы не желаете, что бы кто-то смог расслышать наш разговор, господа?

– Вы весьма осторожны, господин епископ, – с явным одобрением кивнул более молодой гость. – Теперь я вижу, что господин прелат сделал хороший выбор.

– Да, я осторожен, господин нунций, – кивнул истинный хозяин замка, – а потому, прежде чем начать разговор, предлагаю выпить за нашу встречу.

Правой рукой он приподнял со стола бокал. В отблеске камина кроваво сверкнул рубин одетого на средний палец перстня. До странного похожий перстень оказался на среднем пальце и у пожилого прелата – а вот относительно молодой посланник Римского престола поднял бокал левой рукой. Дерптский епископ мгновенно насторожился, опустив левую руку за кресло. Господин нунций ощутил изменение в настроении хозяина замка, но далеко не сразу сообразил, что послужило тому причиной. После минуты напряженных размышлений он, наконец, с облегчением рассмеялся и, приглашающе подняв бокал, поправил волосы свободной рукой. На среднем пальце отразил каминное пламя овалный рубин, – в ответ епископ растянул губы в улыбке, облегченно вздохнул и тоже пригубил вино.

– Рад видеть вас в своем доме, братья мои. Простите, что не приглашаю вас к столу, но утро еще далеко. Думаю, до первых лучей мы успеем обсудить наши дела и приступим к трапезе уже с чистыми помыслами и одной только молитвой в душе. Что заставило вас проделать столь долгий путь в столь ненастное время?

– Беспокойство брат. Святой престол с тревогой смотрит на восток, на беспокойную границу христианских земель с язычниками и надеется найти здесь твердую опору, которая оградит истинную веру от нашествия диких чужеземцев, глухих к слову божьему и спасительному кресту. Барон фон Фурстенберг стар. Его сил не хватает, чтобы сохранить былую мощь Ливонского Ордена, – неторопливо начал излагать послание папский нунций. – Ордену нужен новый магистр.

– В минувшем году орденский конвент поставил в заместители магистра брата Готарда Кетлера, – любезно сообщил собеседникам дерптский епископ. – Он опытный и очень умелый воин. Он просто великолепен в бою. Воина лучше него нет во всей Ливонии. Скажу больше, братья. Рыцари ордена уже сейчас называют его великим магистром.

– А еще рыцаря Ивана, безродного ливонца, наподобие благородных дворян получившего образование в Кельне и звание рыцаря в двадцать лет, открыто называют его сыном, хотя брат Кетлер наравне со всеми давал Господу обед безбрачия и клятву сражаться за святой крест, пока руки его смогут держать меч, а глаза – видеть врага, – кротко дополнил характеристику будущего магистра пожилой прелат.

– Вы собираетесь его этим попрекать? – удивленно приподнял брови епископ. – Неужели вы не знаете, что посланники еретика Лютера открыто призывают рыцарей разрывать клятвы и брать себе жен? Что два рыцаря из каждых трех уже именно так и поступили? Что оставшиеся верными обетам братья поступают так только потому, что отсутствие жен позволяет им открыто предаваться разврату прямо в замках и монастырях, пьянствовать и утопать в роскоши? Боже упаси вас хоть одно слово произнести против этого рубаки, которому они еще готовы подчиняться! Иначе они просто откажутся именоваться воинами Господа и присвоят себе все орденские земли, до которых только смогут дотянуться! Вы помните маркграфа Альбрехта фон Гогенцоллерна Бранденбургского?

Еще бы его не помнить! Став великим магистром Тевтонского ордена, десятого апреля тысяча пятьсот двадцать пятого года этот рыцарь принял лютеранство и тут же поклялся в верности королю Польши Сигизмунду Старому, который признал его герцогом Пруссии с правом прямой или совместной передачи этой вотчины по наследству. Фактически, маркграф нагло украл у Господа целую армию, уничтожил многовековой Орден крестоносцев, просто-напросто присвоил его себе! Сейчас никто не мог поручиться за то, что новый магистр Ливонского Ордена не поступит точно так же – или сами рыцари, воодушевленные чьим-либо поступком или раздраженные новыми переменами, не начнут присягать датским, шведским или польским монархам.

– Судьба Ливонии висит на волоске, братья, – озвучил горькую истину дерптский епископ, – и если Господь не явит чудо, в ближайшие годы она перестанет существовать. Ересь отравляет души здешних рыцарей, рабов и горожан. Они отказываются платить церковную десятину, жгут католические храмы и хуже того – православные церкви, из-за чего печерский келарь вспомнил про невыплаченные за последние пятьдесят лет подати и требует их немедленно...

Тут хозяин замка спохватился, что сгоряча наговорил лишнего, оборвал свою речь и припал к кубку с вином.

– Однако в ваших землях сохраняется порядок, мой дорогой друг, – успокаивающе кивнул, сверкнув гладкой, блестящей лысиной прелат. – Никаких погромов, изгнания священников и обращения в еретическую веру за все годы вашего епископства не случилось ни разу.

– Близость русских земель и епископское войско в полтысячи мечей успокаивающе действует на самые невежественные умы, – отказался от комплимента хозяин замка. – Псковские язычники только и ждут повода, чтобы опять напасть на здешние хутора.

– Псковские и новгородские земли поразил мор, – с такой уверенностью сообщил нунций, словно только что приехал именно оттуда. – Сейчас они не способны к сопротивлению.

– Вы так говорите об этом, брат, как будто ожидаете от меня содействия лютеранам, пока у них есть шанс на удачу, – улыбнулся епископ.

– Все как раз наоборот, брат, – без тени смеха покачал головой нунций. – Святой престол ждет от крестоносцев Ливонского Ордена того, что они сдержат свои клятвы, возьмут в руки освященные в храмах мечи и двинутся на восток, освободив от язычества земли до нечестивого Новгорода, куда так стремятся все здешние купцы.

Дерптский епископ облизнул свои тонкие губы, задумчиво повел плечами, потом все тем же презрительным жестом приподнял колокольчик и коротко позвонил:

– Арни, будь любезен, принеси письмо московского царя.

Гости не видели, кому адресовалось это распоряжение, но вскоре под каменными потолками гулким эхом отозвались торопливые шаги, и подросток, приносивший вино, положил на стол длинный кнут, сплетенный из толстой воловьей кожи.

– Что это друг мой? – не понял папский посланник.

– Письмо, – кивнул дерптский епископ. – Четыре года назад, когда по наущению лютеранских посланцев заблудшие рабы Господа нашего Иисуса Христа начали

жечь католические соборы и церкви русских язычников, келарь Псково-Печерского монастыря потребовал недоимки, не выплаченные за последние пятьдесят лет. Великий магистр Фурстенберг, о сих долгах ранее не вспоминая, отправил тогда русскому царю Ивану послание, в котором просил о встрече, дабы взаимные претензии обсудить. В ответ царь прислал этот кнут. Чтобы помнил наш магистр, чем ему грозит непослушание, и о повинностях своих с равным себе разговаривал, а к правителям московским не лез.

- Великий Господь, - перекрестился нунций, - какая дикость!

- В прошлом году, - невозмутимо продолжил хозяин замка, - датский король, воевавший с русскими два года за финские земли, поехал в Москву заключать мир. В Новгороде его остановила грамота Посольского приказа, указывающая, что царю о пустяках с вождями мелких племен говорить недосуг, и чтобы о прекращении войны он договаривался с местными русскими купцами. Король Фредерик после такого позора лютую обиду на магистра Фурстенберга затаил, поскольку тот посредничество в переговорах обещал, обещал, но слова своего не выполнил.

Епископ тяжело вздохнул и продолжил:

- Я понимаю, братья, в Риме, у ватиканского Святого престола кажется, что именно там и находится центр земли, что именно там простерта длань Господа, а все вокруг мелко и несущественно. Но мы живем здесь, под самым боком у чудовища, способного в любой миг проснуться и подняться на ноги. В самые лучшие времена своей истории Ливонский Орден мог выставить на поле не более тысячи рыцарей и десяти-пятнадцати тысяч кнехтов. А царь Иван шутя кинул на Казань сто пятьдесят тысяч воинов кованой конницы, не переставая беспокоить литовские границы, воевать с Данией и держать заставы против Крымского хана. Ливония существует такой, как вы ее видите, только потому, что про нее забыли. Только потому, что мы время от времени платим подати и никогда не трогаем русских границ. Ливонскому Ордену никогда не удастся прорваться до Новгорода даже через пустынные северные земли, а если и удастся - он не сможет его удержать. Достаточно Москве просто посмотреть в эту сторону, и Орден просто прекратит свое существование. Особенно теперь, когда для этого достаточно легкого толчка.

- Святой престол понимает ваши трудности, епископ, - довольно сухим тоном остановил эмоциональную тираду папский нунций. - Но он ждет от крестоносцев

Ордена подвига, в котором они клялись Господу, вступая в братство. Они должны взять Новгород хотя бы на один день, и после этого Бог простит их, даже если они сами сложат свои знамена под ноги языческому царю и отдадут ему свои мечи.

– Это поход столь важен, что ради него можно пожертвовать последним христовым орденом? – удивился хозяин замка. – Даже если у него нет никаких шансов на успех?

– Этот год оказался крайне неудачным для Московии, брат, – нунций взял кубок в руки и откинулся на спинку кресла. – Летом во Пскове и Новгороде прошел мор. Очень страшный пор, полностью опустошивший их города. Мор добрался до Старой Руссы, и сейчас этот город слаб. Порхов разорен литовским набегом, Остров и Опочка осаждены.

Посланник Ватикана настолько правильно и уверенно произносил названия русских городов, что епископ понял: его гость знает о положении здешних дел куда больше, чем можно было подумать.

– Дорога на Новгород чиста, брат, – подвел итог мужчина, поправив ремешок в волосах. – Христову воинству достаточно сесть на коней и пройти по ней отсюда и до языческого логова.

– Из Москвы сюда не придет ни один воин, – добавил от себя пожилой прелат. – Мор, унесший столько нечестивых душ в Новгороде и Пскове забрался в самое сердце дикарской страны и поразил царя Ивана. Вот уже больше двух недель он лежит не вставая. Правда, он приказал казнить приехавшего из Италии опытного врача, но это все равно не успеет ничему помешать. Король Сигизмунд отослал тамошним боярам письма, обещая по праву кровного родства сесть на престол и призывает приносить себе клятву на верность, Иван с ложа болезненного требует присягнуть своему малолетнему сыну, бояре Шуйские кричат о выборе нового царя, себя на трон пророча. Нет сейчас в Москве никакого государства, брат. Разброд там боярский. Никто в северные земли Новгороду помогать не придет. В самом же Новгороде князь Галонин в сторону Литвы смотрит, бояре Кропоткин и Селечин, сам посадник согласны литовскую руку принять. Многие готовы вместо Москвы нас в городские стены запустить.

Дертпский епископ промолчал. Он прекрасно понимал, какого кропотливого труда стоило подготовить и свести воедино такое огромное количество кажущихся случайностей, и теперь неожиданный фанатизм вернувшегося из Кельна сына магистра Кетлера уже не казался ему странным. Орден был подготовлен к последнему, самоубийственному, но неотвратимому удару на восток, перед крестоносцами расчищена дорога, заблаговременно устранены все препятствия, все ловушки, вытравлены враги и недоброжелатели. Достаточно просто дать шпоры коню...

Но почему сидящий перед ним прелат, личный духовник польского короля Сигизмунда не укажет дорогу на Новгород могучим полкам польско-литовского королевства? Почему туда посылают изрядно ослабевший за последние десятилетия Ливонский Орден?

– У кавалера Ивана слишком мало опыта, – покачал головой епископ. – Он готовил кампанию все лето и собрал сильное войско, но не рассчитал времени и попал под дожди. Дороги размокли, стали непроходимы. Он больше месяца простоял у Матайгузы. Рыцари от скуки, холода и плохой еды начали уходить, собранные на наемников деньги кончились и, они повернули назад. Я так думаю, что сейчас отряды из Вильмы и Пайды подходят к своим домам, а три сотни немецких пехотинцев ждут кораблей в порту Гапсоля.

– Ландскнехтов нужно вернуть, – непререкаемым тоном сообщил нунций и уверенно выложил на стол тихо звякнувший мешочек. Епископ подтянул мешочек к себе, задумчиво взвесил в руке.

– Золото, – сообщил мужчина. – Всех наемников нужно вернуть. Пусть дойдут до Новгорода, а там поступают как хотят.

– Опять Новгород, – покачал головой хозяин. – Вот уж не думал, что этот город так хорошо знают в Ватикане.

– К сожалению, Святой престол знает этот город слишком хорошо, – ледяным тоном отрезал нунций. – И сейчас, брат, вам предстоит узнать тайну, которая или возвеличит вас над всеми так, как вы не можете даже представить в своих помыслах, или сотрет в порошок, ибо смертные не имеют права на существование, заподозри они хоть на миг о возможности такого позора. Человек, узнавший об этой тайне, должен быть немедленно умерщвлен, тело его

сожжено, череп растерт в порошок, а все вместе взятое развеяно над полем и немедленно перекопано с землей.

Епископ поверил угрозе. Он знал, что у Святого престола очень длинные руки, хорошая память, а такой пустяк, как человеческие жизни, его никогда не останавливал.

– В тысяча двести тридцать девятом году от Рождества Христова, – тихим голосом начал свое повествование папский посланник, – когда монгольский хан Батый позвал к себе на службу новгородского князя Александра, то тот в благодарность за службу потребовал освободить от сарацинских язычников Святой город. Батый выполнил просьбу и послал в Палестину два тумена своих воинов во главе с безбожным ханом Хулагу. Очень быстро татары осквернили Иерусалим своим присутствием, и в доказательство исполнения обещанного Батый передал князю крышку Гроба Господня, присланную ему Хулагой. Доблестные христовы воины изгнали татар из Святого города, но крышка Гроба... Она так и осталась в Новгороде, куда ее отправил князь Александр.

– Так вот оно что... – пробормотал изумленный епископ.

– Вы должны пойти в поход вместе с сыном Кетлера, брат мой, – сообщил нунций хозяину замка, – войти в Новгород, увезти оттуда священную реликвию, и сжечь все летописи, все книги, все записи, все грамоты: сжечь все, на чем язычники могли оставить запись о своем причастии к святой реликвии. И сделать это так, чтобы никто из рыцарей не понял истинного смысла ваших поступков.

Папский посланник не спрашивал согласия епископа – после того, как тот узнал тайну, у него не оставалось больше никакого пути, кроме подчинения.

– Верните реликвию, брат мой, – мужчина перевел взгляд на светлеющее окно. – Верните, и вы сможете сами привезти ее в Рим.

Это было существенным обещанием. После изгнания крестоносцев из Палестины в руках Святой Церкви не осталось ни единой реликвии, воссоединяющей ее с произошедшим тысячу пятьсот двадцать лет назад чудом. Все попало в руки язычников и сарацин, все оказалось в их власти. И понятно, что человек, торжественно доставивший к Ватиканскому престолу крышку Его Гроба, уже никогда не окажется простым епископом в далеком северном краю. Он станет

силой, куда большей, нежели любой из кардиналов, его мнение будет сравнимо с мнением его святейшества, любые его желания – законом.

Нунций дал возможность дерптскому епископу в полной мере осознать щедрость полученного предложения, и еще раз повторил:

– Вы доставите ее сами. Я обещаю.

– Хорошо, – кивнул епископ. – Я верну реликвию. Господом клянусь.

Мужчина удовлетворенно кивнул и поднялся из-за стола, накидывая на голову капюшон:

– Светает. Мне лучше уйти до того, как кто-либо узнает о нашей встрече, брат. А вы, дорогой прелат, можете остаться.

– Нет-нет, я с вами, – засуетился старик. – Я вообще должен быть в Могилеве. Все знают, что я в Могилеве. Все в этом совершенно уверены.

Разумеется, хозяин замка не стал удерживать гостей. После того, как они ушли, сопровождаемые невозмутимым привратником, дерптский епископ отошел к окну и еще раз припомнил весь разговор от первого и до последнего слова. Усмехнулся, вспомнив намеки на звание Великого магистра: они хотели предложить ему звание магистра! В обмен на крышку Гроба Господня – титул магистра умирающего ордена! Затем, правда, предложения стали куда более серьезными...

Разумеется, выдавать подобную тайну польско-литовскому королю нельзя. Если поляк получит подобную реликвию в свои руки – это не он поедет с нею в Рим, а Рим приедет к нему. Святой престол станет ручной собачонкой славянского, полужыческого княжества. Разумеется, подобное недопустимо. А вот Орден, который принесет эту величайшую драгоценность хозяину и тут же издохнет у его ног – совсем другое дело. Здесь обмана случиться не может. Вот только странно, что Ватикан так долго медлил с возвращением реликвии...

И вот тут служитель Господа вспомнил про страшное побоище тысяча двести сорок второго года. Он вспомнил, как первый и последний раз в своей истории

Орден начал войну с новгородцами, стремясь захватить их город. Поначалу компания шла по правилам: крестоносцы, обеспечивая тылы, взяли Изборск, и Копорье, нашлись бояре, открывшие перед ними ворота неприступного Пскова. Войска начали выдвигаться к ближним к Новгороду крепостям. Однако тут из монгольских степей примчался князь Александр. Он разорил тылы немецких армий, вернул себе захваченные рыцарями города, перекрыл дороги. В таких условиях Орден обязан был отступить, отложить планы на более благоприятное время – но воины Господа поступили точно наоборот. Они собрались в единый кулак и пошли на Новгород – пошли, не смотря на то, что не имели прикрытых тылов, подкреплений, подвоза еды и фуража. Пошли на явную смерть – и погибли.

Теперь епископ понимал: у них просто не было выбора. Они были обязаны войти в Новгород и вернуть реликвию или умереть. Тогдашние рыцари еще умели соблюдать взятые на себя обеты...

Тогда, три века назад, Святой престол использовал первую же возможность, чтобы вернуть крышку Гроба. Не удалось. Три столетия Орден копил силу для выполнения своей миссии – но Польское и Литовское княжества постоянно грызли возникшее на берегах Балтийского моря государство, пока не растерзали его в клочья. По иронии судьбы первым рухнул более могучий Тевтонский Орден, но и Ливонскому явно оставалось существовать считанные десятилетия. Готард Кетлер хороший воин, не политик, способен соблюдать данные клятвы, любим рыцарями. Пожалуй, пока он будет носить титул верховного магистра, Орден еще продержится. Но люди смертны... Сейчас, в эти самые дни Святой престол использует последний шанс на возвращение реликвии – и другого уже не появится.

– Я могу стать равным самому Папе, – вслух произнес епископ, – и тогда возможности мои в служении станут огромны.

В пустом зале его слова отдались многократным эхом, но никакого ответа не последовало. Тогда епископ вернулся к столу, взмахнул рукой – опрокинутый краем рукава колокольчик с коротким придушенным звяканьем свалился набок. Дверь немедленно распахнулась, внутрь заскочил служка и почтительно поклонился в ожидании распоряжений.

– Рыцарский завтрак, – бросил ему господин.

Мальчик исчез, а епископ неторопливо обошел стол и сел лицом к окну.

На улице постепенно светлело. Просто светлело – небо над епископством застилала однообразная белесая пелена, к вечеру становившаяся темной и непрозрачной; к полудню ярко-белой, а с утра зачастую густой и непрозрачной. Местные сервы называли эту дымку туманом, хотя, по мнению епископа, туман над Дерптом стоял всегда. Просто иногда он становился более прозрачным, а иногда – густым, как вуаль новобрачной принцессы.

Зашелестела открывающаяся дверь. Служка бесшумно подкрался к столу, поставил перед господином поднос с пшеничными сухарями, бокал вина. Замер, прижав поднос к груди. Епископ легким движением кисти указал на стол, потом пренебрежительно взмахнул. Мальчик с облегчением подхватил колокольчик и торопливо убежал: на него сегодня более никаких обязанностей не налагалось.

Господин епископ подобрал сухарик, обмакнул его в кислое рейнское вино и положил к себе в рот, тщательно прожевав. Улыбнулся.

Сухой хлеб и дешевое кислое вино, сохранившееся в подвалах с неудачных лет, оставались основным воспоминанием его детства. Хозяин епископского замка родился в деревне Овелгон, на берегах полноводного Везера, немногим ниже Бремена по течению, в семье малоземельного дворянина. Гренки в вине, получившие в народе прозвище «лакомство нищего рыцаря» были в семье основной пищей на протяжении долгих лет. Нынешний глава епископства хорошо помнил, как давясь пахучим, плохо размокшим хлебом, он клялся себе, что когда вырастет, будет есть только запеченных в тесте перепелов и жирных гусей, которых на городском рынке столь придирчиво выбирали судейские кухарки и жены мастеровых. Клялся – и не верил в возможность достижения подобного богатства. Ведь он родился вторым, и все поместье по закону наследовал только старший сын, Густав. Второму дворянскому сыну по обычаю следовало отдать себя Церкви.

Будущий дерптский епископ отдал себя служению целиком и полностью, угадывая не только явные, но и скрытые пожелания учителей и вышестоящих священников, никогда не морщился, получая странные на первый взгляд поручения, не жалел ни себя, ни отданных под его руку послушников. Теперь он радовался, что не остался ютиться на отцовской земле, где бедный Густав наверняка по-прежнему питается только размоченном в вине хлебом, и только в большие праздники позволяет себе кружку молока. Что касается его самого – то

получив возможность съесть на завтрак хоть целого теленка, епископ дерптский утратил к чревоугодию всякий интерес. Наоборот: теперь он предпочитал, как и в детстве, начинать день с гренок, замоченных в кислом вине, и лишь перед торжественными богослужениями согревал горло кружкой горячего молока.

Хозяин замка вновь усмехнулся, вспомнив, что слухи о его аскетизме достигли не только императора Священной Римской империи, но и Святого престола. Знали бы они, что вместо вина он нередко использует куда более питательный напиток...

Дневной свет, постепенно просочившись через окна в пустынный зал, окончательно разогнал тени, и в стене за камином стала видна узкая дверь. Промакнув губы кружевным платком, епископ поднялся, подошел к очагу, снял с каминной полки один из приготовленных там факелов, зажег его и уверенно толкнул собранную из деревянных брусков створку.

Крутая каменная лестница плотно обвивала камин – точнее, каменный фундамент камина. Три десятка ступеней, и хозяин замка ступил в расположенное под залом помещение, кажущееся ослепительно-белым из-за множества смотрящих со всех сторон черепов.

Три с половиной века назад, в тысяча двести двадцать четвертом году, когда доблестные христианские воины взяли Дерпт, носивший тогда нечестивое имя Юрьев, они вырезали все население города и соседних деревень от глубокого старика и до новорожденного младенца. В те дни у крестоносцев, принесших на эту дикую землю истинную веру и европейскую цивилизацию, черепов имелось в избытке. Крепкими костяными кирпичиками новые властители мостили полы и стены подвалов, дно каналов и оросительных протоков, засыпали их в вечно жидкие колеи дорог. Черепа тупоголовых эстов, ливов и прочих славян оказались воистину непрошибаемы, век за веком крепко удерживая на себе стены немецких замков, католических костелов и крепостных валов.

Вот и сейчас на повелителя западных берегов Чудского озера смотрели черные глазницы выбеленных временем целехоньких черепов – смотрели со всех сторон, смотрели из-под ног, смотрели из небольшого очага и из узких, уходящих наверх продыхов. Каждым своим шагом дерптский епископ попирал нечестивых язычников, посмевших родиться на землях, предназначенных Германии свыше.

Помимо очага, в помещении имелось еще две железных жаровни, одна из которых стояла рядом с грубо сколоченным столом, а вторая – у подножия кресла святого Иллариона, отличающегося от обычного только торчащими из спинки, сиденья и подлокотников множеством кованых гвоздей, да колодками для ног внизу. За креслом возвышалась «железная дева» – два деревянных силуэта, с выемкой по форме человеческого тела внутри, оцетинившиеся множеством мелких гвоздей. Рядом красовалась «дева нюрнбергская» – в ней вместо сотен маленьких гвоздиков человеческую плоть поджидало два десятка длинных, темных от засохшей крови ножей. Окружали эту коллекцию средств для вершения правосудия несколько тисочков самой разной формы и размера, влажный от сырости крест святого Андрея, с толстыми ремнями на концах скрещенных бревен, развешанные над верстаком клещи-пауки, имеющие привычные каждому кузнецу рукояти, но до странного вычурную форму рабочей части. На самом верстаке лежал, готовый к немедленному употреблению, обычный комплект из семи пыточных ножей.

Впрочем, епископа плоды садистской фантазии детей Божьих, сотворенных по Его образу и подобию, ничуть не заинтересовали. Он скользнул по ним безразличным взглядом, пересек комнату и откинул полог, закрывающий проход дальше, в самый сокровенный уголок.

За пологом находилась естественная пещера около пяти метров в диаметре, с низким потолком и неровным полом. С одной ее стороны лежало, закрепленное на высоте трех футов большое распятие, с другой – свисал с потолка белый полупрозрачный камень. Под камнем стоял трехногий медный столик, с нацеленным вертикально вверх бронзовым острием, а под столом, вмурованное в такой же полупрозрачный камень, тарашилось наружу странное существо: вытянутая вперед, похожая на спелый кабачок голова, с круглыми глазами и чуть приоткрытой пастью; скрюченное, покрытое короткой шерстью тело; ноги с огромными когтистыми ступнями и слегка разведенные в стороны мохнатые крылья на спине.

Епископ вставил рукоять факела в специальный держатель, опустился на колени, поцеловал камень в то место, куда был устремлен взгляд навеки замурованного уродца, затем выпрямился во весь рост и торжественно перекрестился: от пупка ко лбу, и от левого плеча к правому:

– Прости меня, Лучезарный, за невольное отступничество во имя сохранения должности своей и обуздания смертных.

Хозяин замка низко поклонился, после чего сел перед столиком прямо на распятие.

– Я верен тебе, Лучезарный, верен душой и телом и готов служить до последнего вздоха в жизни этой и после ее окончания во веки вечные, подвластные только тебе.

С верхнего камня оторвалась капля воды, упала на бронзовое острие и стекла в оставленное у его основания отверстие. Спустя мгновение капля упала на камень, скрывающий странного уродца, и словно растворилась в нем.

– Сегодня меня посетили двое братьев, Господин. Они поручили мне совершить подвиг на благо Святого престола. Свершив его, я смогу занять новый, высокий пост в Риме, мои возможности станут безграничными, я смогу принести тебе namного, namного больше пользы, Лучезарный. Царствие твое приблизится на много лет, а волю твою станут исполнять миллионы преданных рабов.

Новая капля упала на бронзовое острие, но на этот раз она не утекла в отверстие, а скатилась в сторону. Епископ склонился вперед. По центру столик был разделен на две равные части «Ja» и «Nein», а по самому его краю шла череда букв и цифр. Капля явно направлялась в сторону буквы «W», не добежав до нее нескольких дюймов. Хозяин замка в напряжении ждал.

Кап! – на этот раз влажная полоска указала на букву «A». Затем на «H», на «R», снова на «H». На букву «E».

– Wahrhe... – задумчиво пробормотал епископ. Еще две капли – и ответ Лучезарного стал совершенно ясен: «Wahrheit», «Правду». Истинный повелитель Земли желал знать правду.

Епископ, откинувшись к стене, пригладил волосы. Какую «правду»? Неужели Лучезарный подозревает его во лжи? Но этого не может быть! Он всевидящ, и не может не знать о каждом произнесенном сегодня в замке слове. Тогда что?

Хозяин замка закрыл глаза, вспоминая последние фразы. Он обещал Господину, что сможет занять высокий пост в Риме и получит новые возможности в служении. Разве это ложь? Ведь сможет... Но в этот миг епископ успел заметить

ускользнувшую в потаенные уголки сознания мыслишку, цепко ухватил ее своим вниманием, и сразу понял, что ложь все-таки была. Очень трудно заметить обман, когда стараешься обмануть сам себя, но Лучезарный отнюдь не всемилолюбив, а потому, служа ему, нужно уметь смотреть правде в глаза.

– Я солгал тебе, Господин, – покорно склонил голову епископ Дерпта. – Я стремился занять высший пост не из желания лучше служить тебе, а теша свою непомерную гордыню. Мне захотелось стать столь же сильным и могущественным, как сам Наместник. Я хотел получить награду Церкви только для себя. Ты волен наказывать меня, Лучезарный. Я с радостью приму любую кару из твоих рук.

Кап! – крохотная порция воды упала точно на острие и исчезла в отверстии.

Правитель западных берегов Чудского озера с явным облегчением вздохнул.

– Нужно ли мне выполнять поручение Святого престола, Лучезарный?

Очередная капля, отклоненная неощутимым ветерком, сорвалась с каменного острия и, пролетев мимо лезвия, со звонким чмоканьем разбилась о буквы «Ja».

Утренние лучи осеннего солнца согрели в этот день и холодное северное море, которое жители Европы привыкли называть Балтийским. Здесь, разбивая податливые хлопья высоким носом, переваливался с волны на волну под огромным полосатым парусом одномачтовый когг. Больше всего это судно напоминало две крепостные площадки с высокими деревянными зубцами, соединенные между собой не врытой в землю стеной, а пузатым, с высоким форштевнем и выбеленной палубой, корабельным корпусом. На передней башне, напряженно всматриваясь в туман, стояло трое арбалетчиков в плотных куртках из толстой бычьей кожи, а на задней, рядом с рулевым веслом, ожидали прибытия в порт Гасполя благородные господа, разодетые в тяжелые шерстяные платья одинакового покроя, хотя и разного цвета. На головах их красовались одинаковые шапероны, сквозь разрезы в рукавах проглядывали руки, прикрытые одинаково пышными рукавами одинаково белых рубашек, а руки их сжимали одинаковые тонкие трости, овальные ручки которых явственно выдавали наличие под деревянной оболочкой острого потайного клинка. Ничего не поделаешь, мода. Мода на перевернутые капюшоны с хвостами настолько

длинными, что надев шаперон на голову, его хвост приходится заправлять за широкий матерчатый пояс; мода на не менее длинные рукава – длинные настолько, что по бокам приходится делать разрезы для рук; мода на туфли с длинными острыми носками, хотя носить их можно только на кораблях, в домах, на чистых улицах далеких азиатских городов; мода на длинные волосы, длинные завязки для кошельков, длинные подола платьев. Мода на трости с потайными клинками – хотя какие же они потайные, если есть практически у каждого зажиточного горожанина? Все это далеко не всегда оказывалось удобным и практичным, но тут уж ничего не поделаешь: хочешь быть красивым – терпи.

Последний каприз моды привел к тому, что даже дворяне, имеющие полное право на открытое ношение оружия, на длинные мечи, секиры и кинжалы тоже начали носить изящные тросточки с тонкими стальными лезвиями внутри. Именно поэтому пожилого ганзейского купца Рогнета Горова из Риги ничуть не удивило, что барон Анри дю Тозон, французский дворянин, ученый, доктор наук Болонского университета не носит на боку ни палаша, ни шпаги, а обходится точно такой же тростью, что и у него самого. Торговцу, везущему в трюмах корабля почти полсотни постав великолепного английского сукна льстила вежливость и внимательность, с которой относился к нему благородный собеседник, и он изо всех сил стремился ответить тем же – стараясь, однако, сохранить достоинство и не сорваться на заискивание.

– Туман, это совсем неплохо, барон, – высказался по поводу ползущих над волнами белесых хлопьев купец. – Немного сырости с утра, зато весь день можно рассчитывать на солнечную погоду.

– Боюсь, эта примета сбывается не так уж и часто, мсье Рогнет, – с явным сожалением покачал головой дю Тозон. – Хотя искренне надеюсь, что вы правы.

– Нет-нет, барон. Сегодня будет солнечный день. Я вам обещаю.

– Вы опытный путешественник, мсье Рогнет, – повернул голову к купцу французский дворянин. – Разъясните мне происходящую странность: корабль ходко движется под всеми парусами, а туман, тем не менее, не развеивается. Разве ветер не должен давным-давно разметать его в клочья?

– Как-то не задумывался над этой странностью, барон, – купец озадаченно почесал переносицу рукоятью трости. – Пожалуй, вы правы... Но тем не менее,

все происходит именно так, как происходит. Не знаю уж, почему.

– Да, – кивнул француз. – Так обычно и случается, мсье Рогнет. Мы настолько привыкаем к происходящим вокруг странностям, что не обращаем на них никакого внимания. А ведь именно в этом и скрываются самые невероятные тайны. Вы даже не представляете, каких поразительных открытий удалось добиться современным ученым в познании мира. Нам удастся открывать человеческому взгляду микроскопических существ, настолько мелких, что ранее об их существовании никто и не подозревал; мы можем научить моряков точно определять широту и долготу их местонахождения вдали от берегов; многие опытные ученые научились превращать свинец в золото. Это просто поразительно, мсье Рогнет, вы не находите?

– Это просто невероятно, барон! – купец мгновенно забыл про погоду. – Как же, каким образом это происходит?

– Современная алхимическая наука смогла достичь небывалых высот в постижении процессов трансмутации металлов и стихий, дорогой мсье Рогнет, – снисходительно улыбнулся ученый. – Это трудно объяснить в нескольких словах, поскольку на процесс преобразования влияет очень много факторов. Тут и влияние звезд, и духовные эманации местности, наличие молитвенного настроения окружающих людей...

– Да, получение золота из свинца несомненно трудоемкий и сложный процесс, барон, – вежливо согласился рижанин. – Но развеите мои сомнения: неужели такое чудо возможно? Неужели вы и вправду способны определить широту корабля вдали от обитаемых берегов? Воистину, это будет высшее чудо, с которым мне только удавалось сталкиваться!

Француз мимолетно поморщился, подавляя досаду. Он совсем забыл, что для человека, большую часть жизни проводящего на борту корабля искусство определять свое местонахождение в открытом океане покажется куда более важным, нежели трансмутация металлов.

– Мастерство это достаточно просто, мсье, – без малейшей раздражительности в голосе ответил дворянин, – и немногим отлично от умения определять свою широту. Если широту корабля вы можете точно измерить по высоте над горизонтом Полярной звезды, то долгота определяется по солнцу. Для этого

достаточно в полдень по английскому времени измерить высоту Солнца над горизонтом, и вы сможете достаточно точно определить, насколько далеко по долготе корабль удалился от английских берегов.

– Но для этого нужно знать время полудня в Англии, – с явным разочарованием отметил купец.

– В этом нет ничего сложного, мсье Рогнет, – небрежно взмахнул рукой барон. – Британские часовщики достигли весьма большого мастерства в изготовлении приборов для определения времени. Правда, современная наука считает, что точность их хода недостаточна. Недавно Ее Величество королева объявила премию в тысячу фунтов тому, кто сможет создать хронометр, способный как минимум год указывать точное время в условиях постоянной качки. Поверьте, мсье, не пройдет и двух-трех десятков лет, как вы сможете без особого труда определить местонахождение своего судна в любом море или океане с точностью всего в несколько миль.

– Странно, – забеспокоился рижанин. – Английские торговцы всячески скрывают это открытие. Нужно обязательно посетить их порты и самому зайти к тамошним мастерам.

– Вы напрасно подозреваете их в скрытности, мсье Рогнет, – покачал головой француз. – Далеко не все люди следят за последними открытиями науки. К тому же, достаточно точных часов все еще не существует.

– Они скрывают эту тайну специально, барон, – не поверил многоопытный купец. – Вы не знаете англичан. Это хитрые, жадные, подлые и коварные существа. Они ни за что не поделятся с другими секретами мореплавания.

Француз непроизвольно передернул плечами и торговец забеспокоился:

– Вы мерзнете, барон? Будьте осторожны, морские ветра коварны и зачастую приносят с собой горячку или лихорадку.

– Просто я никак не могу дождаться обещанного вами солнца, мсье Рогнет, – усмехнулся ученый дворянин, и неожиданно указующе вытянул вперед руку: – Смотрите, что это?

Среди белесых хлопьев показался неясные очертания вписанного в круг огромного алого креста, рассеялись, но спустя пару минут проявились снова. Крест двигался куда-то на восток, почти в том же направлении, что и более быстроходный когг. Вскоре в тумане стали различимы и тонкая мачта с трезубой вилкой на макушке, глубоко сидящий в воде вытянутый корпус с построенным на корме сарайчиком.

– Башенофф, – с ненавистью прошипел купец. – Русский из Кумисинох. Вон как нагрузился, язычник! Опять цены собьет.

– Какие цены? – живо заинтересовался француз.

– На все! – лицо рижанина исказила гримаса ненависти. – Сукно дороже, чем сам-в-два уже много лет не продать, за бочку соли больше марки не дают, на воск цена в полтора раза выросла. Эти дикари ломают нам всю торговлю!

Купец пересек кормовую площадку и оперся на края зубцов, вглядываясь вперед. Расстояние между кораблями потихоньку сокращалось. Стала ясно различима палуба русской ладьи, замершие с луками в руках стрелки, настороженно вглядывающиеся в приближающееся судно. На носовой площадке ганзейского корабля тоже засуетились арбалетчики. Очень, очень часто такие встречи вроде бы мирных кораблей заканчивались кровавой свалкой, после которой свой путь продолжал только один торговец, изрядно пополнивший свои трюмы, а на волнах оставались плавать редкие обломки дерева и обрывки парусов, да кровавые пятна медленно расходились в серой воде. Свидетелей подобных стычек не оставалось никогда, а бескрайнее море редко выдает чужие тайны.

Однако на этот раз ладья и без лишней добычи оказалась сильно перегруженной, на борту когга матросы исчислялись всего лишь десятком человек, а потому оба капитана к схватке ничуть не стремились. Еще час хода на плавно пересекающихся, почти параллельных курсах – и корабли, сохранившие облик мирных торговцев, начали медленно отдаляться друг от друга.

– Негодяи, – плюнул во след ладье рижанин. – Мы уже и витальерам деньги давали, и крестоносцам... Ничто его не берет!

– Так разорите его, мсье Рогнет, – мягко улыбнулся Анри дю Тозон. – Зачем тратить так много крови и сил там, где можно обойтись всего лишь золотом?

– Легко сказать «разорите», барон, – вернулся к собеседнику купец. – Но как? Он собирает воск, меха, лен прямо в деревнях, привозит сахар, олово и вино мимо наших портов, не платя Ганзе ни единого артига. Он нагло плюет на законы и уговоры цивилизованной торговли, думая только о своей дикарской выгоде.

– Но я так подозреваю, мсье Рогел, – еще более слащаво улыбнулся француз, – что ваш недруг, подобно всем дикарям, по-прежнему ценит золото?

– М-м, – с некоторой неуверенностью начал отвечать рижанин, – м-м... Кто же его не ценит, барон?

– Ну, – пожал плечами дю Тозон, – в последнее время, в свете наиболее неожиданных научных открытий, этот металл успел заметно снизиться в своей ценности. Полагаю, дикари из этих далеких от цивилизации земель еще не подозревают о произошедших переменах. Если вы купите у вашего язычника некоторое количество свинца, обратите его в золото, продадите обратно в сотню раз дороже, вновь купите свинец, то, при известном терпении, очень быстро заставите его снять ради подобной сделки последние подвязки.

– К сожалению, барон, – раздув ноздри от предвкушения удачной сделки, облизнул пересохшие губы купец, – я совершенно не умею превращать свинец в золото...

– Зато это умею делать я, – склонил голову француз. – И с удовольствием вас научу.

Гапсоль

После холодного и чуть солоноватого морского воздуха город ударил по обонянию путешественников затхлостью и смрадом. Французский дворянин и рижский купец, в сопровождении волокущих три тяжелых сундука моряков, степенно двигались по склизким узким улицам прибалтийского портового

городка, старательно переступая лужи мочи и конского навоза.

– Когда-нибудь ученым удастся создать механических лошадей, – покачал головой доктор наук. – Они смогут таскать повозки, не засыпая дороги грудами дерьма и наши потомки, наконец, смогут дышать чистым, свежим воздухом.

– Неужели это вероятно? – не поверил купец. – Перевозить товары по суше, как по морю, без длинных караванов и множества вьючных коней?

– Возможно, мсье Рогнет... – тут барон услышал стук распахивающихся ставен и испуганно шарахнулся в сторону. Купец тоже торопливо отскочил, и содержимое ночного горшка, выплеснутое наружу, пролетело мимо него.

– О чем это я? – сбился с мысли француз. – А, да. Я разговаривал в Голландии с одним мастером, который измыслил поставить на повозку ветряные крылья, которые станут вращать колеса и передвигать все устройство по обычным дорогам со скоростью скачущей лошади.

– Неисповедимы пути твои, Господи, – перекрестился рижанин и перескочил на тему, которая интересовала его куда более, нежели странные изобретения фламандских мастеров: – Может быть, не станем привлекать лишнего внимания к вашему эксперименту, барон? Зачем собирать так много людей ради чисто научного, мало интересного посторонним дела?

– Ах мсье Рогнет, – понимающе улыбнулся дю Тозон. – Поймите же, друг мой, научного открытия скрыть невозможно. Известное сегодня только вам, завтра оно будет обнаружено другими. И тогда сегодняшняя мимолетная выгода вернется к вам всеобщим презрением и ненавистью. Не забывайте, вы находитесь на острие цивилизации, вошедшей в соприкосновение с дикарскими землями. Ваш долг всем вместе, объединив общие усилия и используя последние достижения науки и техники привести их к безусловному повиновению. Если у язычников из Московии неизменно появляется более совершенное оружие и противостоять в открытом бою им невозможно, это еще не значит, что их нельзя покорить силой своего ума и знания. Идет война, мсье Рогнет, и вы один из воинов. А сила войска, как известно, в едином строю, в едином ударе. Даже самый сильный воин не способен победить без помощи товарищей...

Тут барон отвлекся на богатую госпожу, в сопровождении служанкидвигающуюся навстречу. Переступая кучу грязи, она высоко приподняла подол бархатного платья, открыв шитую катурлином нижнюю юбку. Француз рассчитывал, что вот-вот в образовавшейся щелочке промелькнет обнаженная нога, но женщина так и не приоткрыла своей сокровенной тайны.

Купец же пламенной речью своего нового знакомого отнюдь не проникся и восторга его не разделял. Торговля есть торговля, и если есть возможность тихонько изготавливать золото самому, какой смысл посвящать в эту тайну посторонних? Однако барон упрямо требовал присутствия на опыте трансмутации местного священника и как минимум десяти самых богатых купцов города. И никакие уговоры, никакие посулы не могли сбить француза с его патриотического настроения.

Впрочем, ученый согласился пожить неделю в доме его дольщика, Курста Болева, с которым на паях Рогнет Горов и занимались торговыми делами. Возможно, его таки удастся убедить произвести превращение свинца в золото тайно, не роняя стоимость драгоценного металла в глазах остальных купцов.

А барон с тоской всматривался в прогуливающих от лавки к лавке зажиточных горожанок, затянутых в зажимающих грудь корсеты, с высокими бальзо на головах, в одноцветных упландах и плотных жакетах, и вспоминал Францию и Италию, роскошных, зрелых дам, во всей их великолепной полноте. Их вздутые рукава, широкие юбки со складками; тяжелые, струящиеся шлейфы; массивные корсажи с широкими вырезами на груди и плечах; проглядывающие сквозь разрезные рукава рубашки с кружевными оборками; гладко расчесанные волосы, прикрытые широкими беретами или жемчужными сетками, связанными из золотых волокон; бархатистые блошинные меха возле шеи или на руках – куда здешним худеньким замухрышкам до настоящих женщин! Если здесь, в просвещенных землях представительницы прекрасного пола так ужасающе отличаются от французских и английских ровесниц, то что же будет дальше?

Барон подумал о том, стоит ли после посещения Ливонии продолжать свой путь на восток, или спуститься на юг через земли Литовского княжества и вернуться назад к чистенькой цивилизованной Европе. С одной стороны его пугали дикие язычники неизвестной миру Московии, с другой – при своем уме и образовании он вполне мог стать в тамошних племенах кем-то вроде герцога и спокойно встретить старость.

– Налево, барон, – предупредил гостя купец. – Мы уже почти пришли. Второй дом по правой стороне улицы.

Дольщик Рогдена Горова жил в двухэтажном доме, стиснутом с обеих сторон другими точно такими же зданиями, отчего казался слегка раздавленным, узким по фасаду и чрезмерно вытянутым в высоту. Экономные хозяева по примеру прочих ганзейских городов, строились из дешевой глины и соломы: строители ставили из деревянного бруса только каркас будущего жилища, с окнами и стропилами под будущие полы, а затем пространство между деревяшками замазывалось подручной грязью. Пересекающиеся, стыкующиеся, расходящиеся бруски, образующие множество треугольников и прямоугольников придавали домам вид запечатленной навеки теоремы забытого древнегреческого геометра.

Рижанин громко постучал подвешенным к двери молотком, и спустя несколько мгновений уже обнимался с гладко выбритым человеком лет тридцати, одетым только в белую льняную камизу – простую рубашку с серебряными крючками у горла, короткие пухлые штаны, называемые в Испании «кальсес» и чулки из тонкого коричневого сукна. Вполне достойное одеяние, если не считать того, что даже в Испании его уже полвека не носит никто, кроме тореадоров.

– Разрешите представить тебе моего французского друга, барона Анри дю Тозона, – посторонился Горов. – Он открыл мне глаза на удивительнейшие вещи, о которых я тебе сейчас расскажу. Барон, представляю вам достойного сына славной семьи купцов Болевых моего друга и партнера Курста Болева.

Хозяин дома, низко поклонился, прижав правую руку к груди. Дворянин, храня свое достоинство, лишь слегка прикоснулся кончиками пальцев к своему шаперону. Гости вошли в дом.

– Сундуки несите направо, – скомандовал рижанин морякам, – ставьте у стены во-он в той комнате.

Якобы следя за работой слуг, Горов шагнул вперед, потянув за собой партнера и принялся тихо и торопливо что-то ему объяснять. Француз, давно привыкший к такому поведению своих случайных знакомых, невозмутимо ждал, оглядываясь по сторонам.

Купеческий дом, имея узкий фасад, вытягивался в длину, вглубь квартала, не менее чем на полсотни шагов. Из полутемных коридоров тянуло запахом жаркого – видимо, мсье Рогнета дожидались с нетерпением. Почти сразу от дверей вверх, на второй этаж, уходила узкая деревянная лестенка. Послышались тихие шаги, и по поскрипывающим ступенькам стала спускаться юная особа: румяные щеки, чуть вздернутый носик, аккуратно уложенные в стиле «бондо» волосы: прямые пряди волос спускались вдоль щек и собирались сзади в пучок, в который была вплетена тонкая золотая цепочка. Над правым ухом сверкал жемчужный, сделанный в виде лилии аграф, который дополняли жемчужные же серьги. Бархатный лиф, стянутый желтыми поперечными линиями шнуровки корсажа, подчеркнуто контрастировал с вертикально падающими трубчатыми складками юбки. Легшую на перила руку закрывала перчатка, сквозь прорези на которой поблескивали алым и зеленым светом камни нескольких перстней.

Наверное, выражение лица незнакомца внизу сказала девушке все о произведенном на него впечатлении, поскольку она слегка улыбнулась, потом приподняла край верхней юбки и стала неторопливо спускаться. С каждым шагом из-под нижней юбки выглядывал острый кончик белоснежной туфельки. Казалось еще чуть-чуть, и поверх обуви промелькнет краешек ступни – но незнакомка мастерски удерживалась в рамках приличия, балансируя на самой грани.

Француз понял, что напрасно отнесся к здешним дамам с таким высокомерием, что есть женщины, ради которых можно если не пожертвовать, то по крайней мере рискнуть... И спохватился. В конце концов, он приехал сюда не ради женщин, а с совершенно другой целью. Женщины могут немного подождать:

– Простите, мсье, – излишне громко окликнул он своих новых знакомых, – но если мы собираемся завтра проводить опыт трансмутации, то подготовку к нему необходимо начинать уже сейчас. Мне необходимо произвести астрономические наблюдения, дабы в точности рассчитать день и час, наиболее желательный для эксперимента, согреть и просушить химические препараты, подготовить инструменты. К тому же, нужен хороший уголь, качество которого требуется проверить заранее. Я прошу учесть, что для наблюдения за небом во время трансмутации крайне важно проводить опыты в комнате, окна которой выходят на северную сторону.

– Да-да, разумеется, – партнеры наконец договорились, и хозяин дома устремился к неожиданному гостю. – Мы с удовольствием поможем вам во всем,

что только потребуется, господин барон. Правда, окна, выходящие на северную сторону, в доме есть только под самой кровлей, но зато там много свободного места, чтобы разместить ваши инструменты. Я немедленно прикажу слугам вычистить и освободить от мусора весь чердак. Но жить там, разумеется, нельзя, господин барон. Мы поселим вас в комнате на втором этаже, если не возражаете...

Купец запнулся, увидев на нижних ступенях лестницы девушку, озадаченно кашлянул и, спохватившись указал на нее рукой:

– Моя жена Регина, господин барон.

– У вас очень красивая жена, мсье Курст, – на этот раз француз снял шаперон и отвесил женщине настоящий поклон.

– Дорогая, предупреди, пожалуйста Эльзу, чтобы накрывала на стол. Вы ведь не откажетесь подкрепиться после долгого пути, барон?

Супруга купца, не сводя с гостя пристального взгляда, спустилась с последних ступенек, после чего кивнула своему мужу и неторопливо удалилась по полутемному коридору.

К тому времени, когда в доме купца обед уже заканчивался, на ведущей к воротам Гапсоля дороге показалось пятеро вооруженных всадников. Хотя, вооруженный человек – понятие весьма относительное. На узкой лесной дорожке вооруженным мог считаться встретивший купца тать с кистенем за пазухой, а на рыцарском турнире безоружным оказывался закованный с ног до головы в латы рыцарь, лишившийся своего копья. На улице любой принадлежащей Ордену деревеньки без разговоров вешали за ношение оружия серва, купившего слишком длинный нож, а на холодном берегу Норвегии признавали проигравшим, как безоружного, воина, пришедшего на поединок с мечом, секирой, копьем, но с двумя щитами вместо трех.

Четверо всадников, неспешно трусящих по утоптанной грунтовке были одеты в толстые кожаные куртки, способные выдержать скользкий удар стрелы или меча, имели на луке седла небольшие щиты в форме прямоугольника со скругленным нижним краем, на головах их поблескивали овальные железные

шапки, на ремнях болтались короткие, в руку длиной, мечи.

Один из воинов, едущий первым, придерживал поднятое вверх копье, под острым наконечником которого развевался флажок с гербом Дерптского епископства. Следом за ним покачивался в седле гладко выбритый мужчина лет сорока, голову которого украшал алый баррет – четырехугольная шапочка, сразу выдающая в своем владельце высокопоставленного священнослужителя. Чин подтверждал также и тяжелый золотой крест, висящий поверх красного гауна на теплой меховой подкладке, с откидными от локтя рукавами, и бобровым, без застежки, воротником. Мягкое сукно верхней долгополой одежды не могло ввести в заблуждение человека, хорошо знающего нравы местного духовенства. Даже под невзрачным балахоном рядового монаха всегда могла обнаружиться непробиваемая из мушкета кольчуга тройного плетения, а то и стальная кираса – и отсутствие меча на поясе епископа еще ни о чем не говорило.

Увидев раскинувшийся под стенами воинский лагерь, священнослужитель сразу успокоился – он знал, что немецких наемников горожане в крепость не пустят, как никогда не пускают внутрь орденов рыцарей, пусть даже поодиночке. Знал он и то, что ушедшие из дома за военной добычей латники, бросившие сына Магистра из-за невыплаченных денег, обязательно воспользуются шансом вернуться к кавалеру Ивану, получи они обещание скорого грабежа и некоторую компенсацию за вынужденное безделье. Мешочка золотых монет, лежащего в чересседельной сумке хватило бы еще месяца на три их ленивой службы. Однако епископ рассчитывал пообещать им начало похода на Московию в течение месяца, неограниченное разграбление ненужных Ордену русских городов, взятие обезлюдившего после мора богатого Новгорода – и таким образом сбить цену немецких кнехтов как минимум вдвое.

– Эрнст, – оглянулся повелитель западных берегов Чудского озера на свой маленький отряд. – Скачи к отцу Лицию, предупреди, что через пару часов я буду у него в костеле.

Настоятеля собора святой Анны о своем желании посетить город и погостить в нем пару дней дерптский епископ предупредил заранее. Он знал, что священник опять начнет жаловаться об отпадении прихожан в лютеранскую ересь, о скупости тех, кто продолжает хранить верность католической вере, о засилье православных церквей – но другого способа быть в курсе всех местных слухов и новостей, кроме как длительного, дружелюбного общения с местным занудой у епископа не имелось. А кавалер Иван все равно никуда не денется. Он надавал

слишком много обещаний и набрал слишком много денег, чтобы теперь отказаться от своего похода.

Купцы пару раз пытались завести разговор о том, чтобы проводить алхимический опыт тайно, без посторонних глаз, но Анри дю Тозон стоял на своем, требуя присутствия на трансмутации всех достойных горожан и священника – причем, как добропорядочный француз, священника именно католического. К середине второго дня партнеры смирились, послали слугу к отцу Лицию с письмом от барона, и стали приглашать гостей на вечер. Единственная льгота, которую предоставил им ученый дворянин – это право самим решать, кто из обитателей Гапсоля является достойным и богатым человеком, а кто недостоин ни малейшего внимания.

На холодный чердак, отделенный от осеннего уличного холода только слоем уложенной на кровлю черепицы, слуги внесли большой стол и несколько кресел. Здесь, кутаясь в накинутый поверх атласного вамса древний гарнаш барон дю Тозон и провел половину ночи, вглядываясь в небо через прицел медной астролябии и покрывая положенный на стол чистый лист чуть сероватой бумаги длинными столбцами цифр и непонятных значков.

О юной супруге хозяина дома он старался не думать – но чем больше он гнал ненужные мысли, тем настойчивее лезли они в голову. Барон раскладывал на столе древние толстые манускрипты, монтировал в стороне от деревянных предметов железный столик с жаровней и ножным мехом, готовил щипцы, крюки и пинцеты, а в памяти всплывали то долгий взгляд спускающейся с лестницы Регины, то ее тихий голос, когда за обедом она спрашивала его о погоде в Италии, ее зовущая улыбка и красноречивый взгляд через плечо.

Опытный путешественник, привыкший знакомиться с людьми и быстро понимать их намерения, Анри знал, что может хоть сейчас постучаться в дверь ее спальни... Увы, молодая женщина провела всю ночь в комнате мужа.

Но даже если бы это было не так – стоило ли ставить свои отношения с купцом, давшим ему кров и возможность произвести сложный опыт в зависимость от случайной прихоти? Когда он разбогатеет, то сможет посвятить хоть все свободное время на поиски симпатичных созданий и развлечения с ними, а сейчас... Нет, забыть, забыть!

– Вы здесь, господин барон? – француз вздрогнул, повернувшись к входному люку и увидел поднимающихся на чердак Курста Болева и его жену, накинувшую на плечи поверх платья шерстяную клетчатую виллайну.

– Разумеется, мсье Курст, – кивнул барон, пытаюсь смотреть в сторону, но все равно ощущая на себе горячий взгляд женщины. – К сожалению, ночью было облачно, и при наблюдениях пришлось испытать некоторые трудности, дожидаясь моментов, когда видны необходимые звезды. Но расчеты закончены. Теперь я могу совершенно точно сказать, что сегодня, в два часа семь минут наступит благоприятное время для опыта трансмутации. Больше того, я смог определить наилучшие дни и часы для алхимических опытов в вашем городе на ближайшие пятнадцать лет. Первый из таких дней наступит через полтора месяца, следующий через три месяца после первого, потом благоприятных дней сразу несколько в течение трех недель, затем перерыв... Впрочем, здесь все записано.

Француз разворошил разбросанные по столу бумажные листы, выбрал один из них и протянул его купцу. Тот взял, стал просматривать выписанные столбиком даты и часы, старательно делая заинтересованное выражение лица, а барон поймал себя на мысли о том, что пытается угадать: носит ли госпожа Регина, согласно французской моде, под нижней юбкой пурпурные шелковые кальсончики с вышитыми желтой нитью вензелями.

Анри дю Тозон раздраженно тряхнул головой и отвернулся к окну.

– Городской оружейник покупает для своей кузни не древесный, а земляной уголь, господин барон, – положил листок обратно на стол купец. – Говорят, он плох для печей, у которых из-за него прогорают колосники. Но, может быть, он подойдет для вашего опыта?

– Да, разумеется, – встрепенулся ученый. – Это будет лучше всего.

– Сейчас, я прикажу принести вам ведро этого угля для оценки, – хозяин дома перевел взгляд на супругу. – Постарайся не доносить господина барона глупыми вопросами, дорогая.

– Я буду молчать как рыба, Курст.

Купец спустился в люк.

– Я вас действительно отвлекаю, господин барон? – молодая женщина отошла от люка и, склонив голову на бок, с улыбкой посмотрела на ученого.

– И очень сильно, мадам. При виде ваших глаз, ваших губ, ваших волос я не могу ни о чем, кроме как о счастливце, имеющем право прикасаться к ним, целовать их. Имеющем право обнимать этот стройный стан, видеть эти плечи... Простите, мадам Регина, вы сами спросили меня об этом, а я очень не люблю лгать.

– К сожалению, счастливец, о котором вы говорите, – румянец удовольствия залил лицо юной дамы, – совсем не ценит своей удачи. Скорее, он смотрит на меня, как на добычу, которую следует оберегать от посторонних помыслов, нежели как на приз, которым следует в полной мере наслаждаться самому.

– Тогда, может быть, – обошел стол французский дворянин, – вы дадите шанс тому, кто сумеет оценить подаренной судьбой миг счастья?

– Наверное, именно так мне и следует поступить, – ответила прямым взглядом хозяйка дома, и неожиданно резко отвернулась. – Но мой супруг очень хорошо умеет сторожить то, что сумел заполучить.

– А если...

– Если я совершу сумасбродство, – перехватила мысль гостя Регина, – мне некуда будет вернуться. А я не готова к скитаниям. Я слишком нежна для этого.

Слово «нежна» сопровождалось коротким многообещающим взглядом, от которого у француза предательски зашевелилась плоть. Он понял, что сейчас сотворит глупость, но в такие мгновения разум не способен обуздывать желания плоти.

– Скитания бывают весьма комфортабельны, прекрасная леди, – сделал прямой намек барон. – Особенно, если их разделяет женщина, красота которой заставляет ценить ее на вес золота, вызывает желание назвать ее своей королевой, сделать повелительницей дворцов и герцогств.

– Вот как? – молодая женщина отошла к противоположной стене, повернулась, опустив руки со сжатым в них веером, словно желая продемонстрировать всю свою красоту. – Приятно, когда тебя оценивают столь высоко. Но готовы ли вы сами заплатить ту цену, которую только что назвали, дорогой Анри? Где те дворцы или замки, в каковых я должна править? Ваша жизнь очень похожа на бесконечную дорогу, а ваше королевство на один-единственный сундук.

Холодный и расчетливый тон хозяйки дома потушил вспыхнувшее было желание, и ученый дворянин вернулся к астробии, продолжая разговор больше по инерции:

– А если я предоставлю вам ту цену, которую назвал, милая мадам? Что тогда вы ответите на мое предложение?

– Вы должны понять меня и не обижаться, барон, – Регина сделала несколько шагов по направлению к дю Тозону. – Я не желаю спустя несколько месяцев оказаться одна в далеком захудалом порту и без единого артига в кошельке. Пусть я не буду стоять на весах, и смотреть, как золото сыплется на противоположную чашу. Пусть его окажется совсем немного, или оно будет выглядеть, как уютный дом с небольшим садом. Но мужчина, который сможет показать мне это королевство, никогда не пожалеет о своем подарке, – юное создание пригасило голос и многообещающе выдохнуло: – Я сделаю все, что угодно, чтобы мой принц никогда не разочаровался в своей принцессе.

– Вы даже не подозреваете, мадам, как близки к тому, чтобы увидеть текущее на чашу золото, – не удержался от полунамёка француз.

– Вы это серьезно, барон? – напряглась женщина. – Я должна вам что-то ответить прямо сейчас?

– Но ведь сперва вы наверняка захотите увидеть золото, мадам Регина? Потрогать его руками, взвесить в ладони. Начать хранить его в своем кошельке...

Анри дю Тозон внезапно понял, что и вправду готов пожертвовать своим слитком за право обладать этой женщиной. Ведь герцогство и толпы вассалов далеко не всегда приносят счастье – гораздо чаще оно поселяется в одиноком домике, спрятавшемся посреди уютного сада. Он видит перед собой удивительно

красивую и разумную леди, которая знает, чего хочет и чем может за это заплатить. Получив желаемое, она станет ему верной спутницей, которая будет готова всегда в полной мере одарить его страстью, но не станет скандалить из-за посторонних любовниц или его неожиданных отлучек, которая сделается его надежным пристанищем, но не помешает построить пару шалашиков где-нибудь еще.

Заскрипели ступеньки лестницы, из люка показался Болев. Он коротко стрельнул глазами на гостя, на жену: они стояли в разных концах чердака, у обоих серьезное выражение лица, одежда в полном порядке. Впрочем, за короткое время его отсутствия они и не успели бы совершить хоть что-либо серьезное. Купец поднялся наверх, следом за ним поднялся низкорослый, бородатый дедуля в замызганной одежде, с металлическим ведерком, полным мелких черных камешков.

Французский дворянин склонился над товаром, и принялся придирчиво выбирать угольки одного размера, часть которых сразу отнес в жаровню, а часть принялся складывать на железном столике.

– Глядя на вас, барон, – не удержалась женщина, – можно подумать, что это ведерко стало для вас самым важным предметом в жизни.

– Регина! – одернул ее супруг и повел к люку, но Анри дю Тозон не обиделся:

– Ну что вы, мадам, – поднял он на нее глаза. – Я умею ценить в этой жизни очень многое. Просто в данный момент содержимое этого ведерко слишком важно для всех нас.

И в ответ на многозначительный взгляд спускающейся в люк юной особы неожиданно для себя кивнул.

С этого мгновения алхимик уже не мог думать ни о какой трансмутации. Он гадал, каким образом обставить дело так, чтобы расчетливая девица не смогла его обмануть. Временами барон спохватывался, отбрасывал странные идеи и напоминал себе, что портовые девки стоят куда дешевле, а найти их можно сколько угодно – но тут же опровергал эти мысли: заплатив за Регину один раз, он получал возможность пользоваться ей постоянно. К тому же, благовоспитанная дама не шла ни в какое сравнение с затасканными грязными

шлюшками. К тому же ей хотелось иметь уютный домик – значит его ждет спокойная жизнь в нормальном доме, а не бесконечные переезды из города в город, страх перед святой инквизицией и полицейским дознанием. Он не получит герцогства в дикой Московии, но зато обретет покой где-нибудь в центре Священной Римской империи, вдалеке от пограничных войн, рядом с чертовски симпатичной женщиной.

Нет, ни о какой любви, воспетой менестрелями и пересказанной легендами сейчас речи не шло, но прошедший почти всю Европу, насмотревшийся на сотни лиц, услышавший о тысячах судеб барон Анри дю Тозон знал: там, где вместо страсти существует расчет, не станет места и предательству, вспышкам ревности, убийству из-за случайного взгляда или зломысленного навета. Нужно лишь позаботиться о том, чтобы у будущей напарницы не возникло желания перехитрить его, обмануть. И во зрелом размышлении получалось так, что им придется... Жениться. Они поженятся под новыми именами, купят дом, он даст Регине достаточно золота, чтобы она не оказалась нищенкой в случае его исчезновения. Она не сможет прогнать его из дома, поскольку он будет считаться ее мужем, он всегда сможет вернуться к ней и лечь в ее постель. Она с золотом в тайнике перестанет беспокоиться о будущем. А для поддержания добрых отношений будет достаточно время от времени делать ей подарки или просто подкидывать монет.

Конечно, она станет изменять ему при каждом удобном случае... Но и он собирается поступать точно так же. Для семьи, построенной на взаимовыгодном расчете, подобные пустяки не смогут стать опасной бедой. В самом худшем случае он всегда может уйти прочь, к странствиям ему не привыкать.

К часу ночи ученый дворянин окончательно решил порвать с наукой и, украв у местного купчишки его жену, поселиться где-нибудь в солнечных Альпах, подальше от войн, приключений и королевских дворов. Рано или поздно каждый должен решиться поставить точку и переменить свою жизнь. Настал и его час. Оставалось только раздобыть немного еще немного золота и, на прощание, хорошенько запутать следы.

Около половины второго слуги принялись затаскивать на чердак стулья и кресла, а к двум часам ночи появились первые гости. Они имели возможность увидеть внимательно следящего через астролябию за небом дворянина в хорошем бархатном кафтане, жаровню, в которой уже исходили жаром угли и несколько фолиантов, часть которых просто лежало на столе, а два были

раскрыты где-то посередине. Анри дю Тозон, время от времени отрываясь от звезд, сверялся с непонятными простым смертным иероглифами, нанесенными на пожелтевшие от времени страницы, иногда делал пометки в лежащих тут и там листках.

Гость из Франции мог легко убедиться, что в дом купца Болева явились не просто горожане, а действительно солидные люди: из одиннадцати гостей четверо носили кордельеры – длинную золотую цепь, используемую вместо пояса; а еще один, одетый в алый баррет и красный гаун, украсил себя тяжелым золотым крестом. Этот мужчина, в одежде кардинала, какового в сих захудалых землях отродясь не бывало, особое внимание обращал, как ни странно, не на изящные новейшие научные инструменты, а на древний потертый том в кожаном переплете, готовый вот-вот рассыпаться от ветхости. Пара интересующихся трансмутацией гапсольцев явились вместе с женами – третьей дамой на опыте, к удовольствию барона, оказалась переодевшаяся в тяжелое бархатное платье Регина.

На далекой ратуше часы пробили два.

– Мардук приближается к линии Ориона, – оглянулся на рассеявшихся на чердаке зрителей, сообщил ученый. – И да простят меня опоздавшие, но звезды не могут ждать. На необходимо начать опыт, как только планета коснется своим краем линии, и закончить его в тот миг, когда ее диск эту линию покинет. Мсье, дабы каждый мог своими глазами убедиться, что в моих опытах нет никакого шарлатанства, вы можете подсесть ближе.

Горожане зашевелились, переставляя стулья и кресла, но вблизи стола и приподнятой на уровень человеческой груди жаровни имелось слишком мало места для всех желающих.

– Мардук сближается, – заглянув в астрольябию, облизнул пересохшие губы дю Тозон. Он выпрямился, оглянулся на собравшихся купцов, торопливо пояснил: – Наверное все вы, образованные люди, знаете, что обращение обычных металлов в благородные возможно с помощью философского камня. Высокообразованные ученые многих стран годами бились над получением этого вещества, пока, наконец, в последние годы не великий итальянский исследователь Леонардо Фибаначи не пришел к выводу, что в его состав должно входить семя одного растущего далеко на востоке, между Московией и Хиной, на границах малоизвестного Китая растения, дифинбаха каладиума. Местные правители

цепко держатся за эти обладающие большой врачебной и химической силой семена, не продавая их ни за какое золото. За один только взгляд на них иноземцу полагается смертная казнь, а китайца ослепляют на месте. Однако несколько лет назад одному гемуэзскому купцу, много лет прожившему в астраханской орде, удалось привезти некоторое количество этих драгоценных семян в Рим. С величайшей осторожностью мы с великим Берегуччо Ваноччо измельчили их и произвели сухую возгонку, получив некоторое количество активного элемента, каковой, будучи разведенным в растертом карокском мраморе и смог производить необходимое воздействие на свинец, превращая его в золото в минуты активности его покровительницы Азиды, определяемой по моменту пересечения линии Ориона планетой Мардук.

Французский дворянин опять на несколько мгновений прильнул к астрoliaби, удовлетворенно кивнул:

– Осталось совсем немного. Вот-вот можно будет начинать. Хочу добавить, мсье, что алхимические научные опыты не имеют никакого отношения к колдовству или дьявольским силам. Я специально просил пригласить сюда местного аббата, дабы своими молитвами он исключил всякое влияние Нечистого на предстоящие трансмутации.

– Пока мест никаких признаков присутствия здесь Дьявола я не наблюдаю, – громко и уверенно произнес человек в кардинальских одеждах, заставив вздрогнуть всех присутствующих.

Анри дю Тозон подхватил кованную железную чашу с отверстиями для надежного захвата ее клещами, поставил прямо в жаровню, потом небрежно кинул на столешницу бесформенный свинцовый слиток, похожий на смявшуюся после попадания в стену мушкетную пулю. Слиток тут же пошел по рукам, а барон в последний взгляделся в небо.

– Пора! Мардук коснулся линии Ориона, – он протянул руку к столу, растерянно поводит ею в воздухе: – где свинец?

– Простите, барон, – один из зрителей вернул подопытный образец.

Дю Тозон бросил кусок тяжелого металла в чашу и принялся привычно работать мехами. Над жаровней взметнулись искры, угли налились светло-бордовым

цветом. Вскоре поверхность лежащего внутри слитка подернулась белесой паутиной, он начали медленно проседать вниз, почти одновременно поверхность его сгладилась – и вот уже в чаше плещется озерцо расплавленного металла.

– Сейчас, торопиться нельзя, пусть согрется, – негромко произнес ученый. – Еще немного... Кажется, пора...

Он стремительно повернулся к столу, выдвинул из-под него изящную расписную шкатулку сандалового дерева, приподнял крышку, ухватил кончиками пальцев щепотку серого порошка, тут же закрыв драгоценное вместилище измельченного философского камня, а затем растер щепоть над раскаленной чашей. Поверхность свинца покрылась множеством мелких искорок, вновь появилась белесая патина, но алхимика это ничуть не смутило:

– Сейчас, нужно только размешать камень в свинце, – он погрузил в чашу деревянную палочку, произвел несколько торопливых вращательных движений, затем отшвырнул деревяшку в сторону, схватился за клещи. – Сейчас, сольем шлак...

В специально приготовленную глиняную плошку пролился голубоватый свинец, барон вернул чашу на угли, схватил следующую из десятка заготовленных палочек, принялся помешивать.

– Процесс идет, идет...

Сгорая от любопытства и возбуждения, горожане начали подниматься со своих мест стараясь заглянуть в чашу. Внезапно деревяшка, которую ученый держал в руках вспыхнула! Дю Тозон отдернул руку, припечатал упавшую на пол палочку ногой, подхватил чашу и опрокинул ее над железным столиком. В специальную продольную впадину на его поверхности потек сверкающий новорожденной желтизной металл: золото!

– Уф, – с облегчением промакнул лоб белоснежным кружевным платочком француз. – Каждый раз удивляюсь окончанию опыта трансмутации: получилось! Из трех унций обычного свинца нам удалось изготовить около двух унций чистого золота.

Барон щедро полил полоску жидкого металла из кувшина с водой, подождал, пока развеется взметнувшийся в воздух пар, подковырнул получившийся брусок кончиком ножа и широким жестом отдал публике. Опытные к обнаружению подделок купцы склонились над образцом, а довольный собой француз, поймав восхищенный взгляд Регины, сложил руки на груди и присел на краешек стола.

– Золото! – после старательного изучения: ощупывания, обнюхивания, покусывания и потирания бруска признали горожане. Полоска алхимического металла вернулась на стол.

– Это самое поразительное зрелище, которое я только видел в своей жизни, господин барон, – придвинулся к ученому грузный торговец, пояс которого украшала массивная золотая цепь. – Но, может быть, вы использовали некий не совсем обычный свинец?

– Вы же осматривали свинцовый слиток, – напомнил ему дворянин. – Чем он отличался от всякого другого, из которого отливают пули и печати?

– И тем не менее, – губы торговца расплылись в самодовольной улыбке, – было бы интересно знать, получится ли золото из свинца нашего, гаспольского. Я тут совершенно случайно отсыпал к себе в карман немного дробы из приготовленного к отгрузке бочонка.

С этими словами купец запустил пухлые пальцы к себе в поясной карман и выгреб оттуда пригоршню мелких сизых шариков.

– Право, не знаю, – барон шагнул к астроябии, прищурился на небо. – Мардук уже уходит с линии Ориона.

Француз торопливо метнулся жаровне, схватил клещами чашу, старательно выбил ее о край железного столика, кинул назад на тлеющие угли, снова приник к астроябии:

– Мардук уходит. Не успеем... Ох, не успеем.

– Получается, господин барон, – победно оглянулся на собравшихся купец, – что золото-то у вас получается только из своего, заранее приготовленного свинца. А

из чужого никак...

– Да что же вы стоите! – раздраженно перебил его алхимик. – Мардук уходит! Кидайте скорее вашу дробь на жаровню, может еще успеет.

Дю Тозон принялся старательно работать мехами, заглядывая в чашу. Дробь не плавилась. Он кинулся к астрономическому инструменту, затаив дыхание, прицелился в сверкнувшие между разошедшимися облаками звезды, снова взялся за меха. Наконец свинцовые дробинки начали тонуть в поднимающейся снизу поверхности металлического расплава.

– Главное, это успеть нагреть тигель до нужной температуры, пока Мардук еще не ушел с линии, – сообщил он. – В холодном металле процесс трансмутации не пойдет. Сейчас, еще немного...

Он облизнул свои тонкие губы, прекратил работать мехами, прихватил из шкатулки щепоть драгоценного порошка, посыпал им расплав, вызвав россыпь мелких вспышек, потом взял деревянную палочку и принялся неторопливо мешать свинец. Затеявший эксперимент торговец дышал ему в самое ухо. Ближе подтянулись и все остальные. Сидеть на стульях не остался никто – все столпились у жаровни, стремясь заглянуть вперед через плечи друг друга.

Раздвинув зрителей, Анри дю Тозон шагнул к астролябии, наклонился к ней, и небрежным жестом своротил со своего места:

– Все, Мардук ушел с линии. Мы не успели.

– Нужно проверить, барон, – слышался голос Рогнета Горова. – Зачем расстраиваться раньше времени?

– Да, да, барон, – поддержали рижанина еще несколько голосов. – Проверьте.

Француз пожал плечами, ухватил тигель клещами, поднес его к глиняной площадке и начал осторожно сливать свинцовый шлак. Слой расплавленного металла становился все тоньше, тоньше, пока вдруг...

– Золото! – не удержавшись, радостно выкрикнул кто-то из гостей, когда под темным слоем свинца сверкнула драгоценная желтизна.

– Успели все-таки, – удивленно пожал плечами барон, перенес плошку к железному столику и вылил алхимическое золото в углубление. Плеснул на получившийся слиток водой, подковырнул его и взвесил в руке: – Примерно унция получилась. Не больше.

– Очень хорошо, – торговец попытался было забрать золото, но дю Тозон зажал кулак. – Что вы делаете, барон?! Ведь свинец мой! Значит, и получившееся золото мое!

– Но философский камень мой, – напомнил ему алхимик. – И он отнюдь не дешев. Вы все видели, мсье, что трансмутация свинца в золото, это не колдовство и не английские выдумки. Щепотки моего порошка достаточно для изготовления двух-трех унций золота. Наперстка – для получения не менее пяти фунтов. Любой из вас может повторить этот опыт самостоятельно вот в эти дни и часы, – барон продемонстрировал исписанный лист бумаги. – Сейчас я отправляюсь через Московию и южные орды в Китай, за семенами дифинбаха каладиума. К сожалению, тамошние языческие правители не понимают значения современной науки и способны казнить не понравившегося им путешественника без всякого повода. Узнав, куда я направляюсь, меня покинули мои собственные преданные слуги. Но я намерен добраться до Китая, добыть несколько тюков этих семян и вернуться с ними обратно. Скажу больше: мне удалось узнать, в каких горах растет эта трава. Я разработал заговоры против обитающих там шестипалых львов и смогу изготовить противоядие от укусов во множестве рождающихся в китайских горах гигантских пестрых кобр. Семена можно будет собрать прямо там, на склонах, и их останется только тайно вывести через несколько дорожных заслонов. Надеюсь, среди вас найдутся желающие разделить со мной тяготы и опасности пути во имя прогресса и развития алхимии!

Ответом на авантюрное предложение стало задумчивое молчание всех присутствующих.

– Вы же видели, мсье, это не обман... – положил француз ладонь на шкатулку с драгоценным порошком. Торговцы промолчали. Барон вздохнул. – Хорошо, если вы не готовы отправиться вместе со мной, то, может быть, выделите деньги на покупку лошадей и проводников? Я могу, конечно, изготавливать золото по пути, но ведь слитками невозможно расплачиваться, это привлечет внимание и не

позволит совершать мелкие расходы. Мне нужны мелкие монеты, серебро, золотая чешуя. Я не могу чеканить их сам!

– Это уже более понятное предложение, барон, – ответил за всех собравшихся грузный торговец, оторвавший, наконец, свой взгляд от крепко сжатого кулака ученого. – Простите нас, но мы не привыкли к дальним переходам по суше. Свои торговые пути мы преодолеваем на кораблях.

– Жаль, – кивнул дю Тозон. – Я плыл сюда в надежде найти попутчиков... Но я готов обещать вам, что после своего возвращения на каждый данный мне в дорогу золотой я верну десять, монетами или в слитках.

– Извините, господин барон, – вмешался в разговор хозяин дома, – но после вашего возвращения золото вполне может упасть в цене до стоимости свинца. Им начнут стрелять из мушкетов и покрывать крыши.

– Я все равно отправлюсь в Китай, – твердо заявил ученый дворянин. – Для меня интересы науки превыше всего. К тому же, Берегуччо Ваноччо также участвовал в первых опытах, имеет такой же запас философского камня. Эту тайну уже никогда не удастся скрыть.

– И как долго продлится ваше путешествие?

– Вы хотите сказать, – прикусил губу француз и машинальным движением погладил крышку шкатулки. – Вы предполагаете, что за эту пару лет успеете получить полноценную выгоду из этого открытия?

– К тому времени, когда вы вернетесь, барон, ваш философский камень превратится в корабли, леса, замки и мануфактуры. Для вас, как и для нас, стоимость золота перестанет иметь значение.

– Но как я могу быть уверен, что обнаружу себя владельцем как минимум половины всего этого, мсье Курст? Боюсь, мне просто не унести залога такого размера, который потребует в таком случае спросить.

– Мы оплатим ваше путешествие и дадим письменное обязательство, – понимающе переглянулся с Болевым грузный купец, но Анри дю Тозон

отрицательно покачал головой: сумма сделки получалась слишком большой, чтобы рассчитывать на действенность простого клочка бумаги.

– Я возьму на себя обязательство не совершать алхимических опытов, пока вы не закончите свои закупки, – предложил француз, – или пока цены на него не начнут падать. И продам вам столько алхимического камня, сколько вы захотите купить, исходя... Исходя из трети стоимости золота, которое можно получить с его помощью.

– Это слишком много, барон, – одновременно замотали головами почти все купцы. – Новое золото нужно еще изготовить, оно все равно станет цениться дешевле.

– Я предполагаю, что цена в одну десятую будет справедливой, – озвучил общее мнение Курст Болев. – Риск слишком велик.

– У вас есть точный список дней и часов, когда возможна трансмутация в вашем городе, – не согласился француз, придвигая шкатулку к себе поближе. – Достаточно расплавить свинец, хорошо его прогреть, посыпать философским камнем и можно разливать золото. Я могу согласиться на одну пятую от будущего золота, но никак не меньше.

– Я покупаю у вас весь камень, – перекрыл общий гомон голос человека в красном. Купцы дружно повернулись к нему, и богатый гость поднялся со своего кресла. – Пусть будет одна пятая от возможного золота.

– Это большая сумма, – не веря своим ушам, пробормотал барон. – Думаю, вам понадобится больше золота, чем во мне веса.

– Но ведь оно вернется с торицей? – вопросительно приподнял брови покупатель.

– Разумеется, э-э...

– Волею Господа я являюсь епископом Дерпта, господин барон, – склонил голову щедрый священнослужитель.

Анри дю Тозон увидел изумленно-восхищенный взгляд Регины, испуганный взгляд ее мужа и возмущенные прочих горожан:

- Простите, господин епископ, - открыто воспротивился рижский купец Горов, - но каждый из нас так же хотел бы приобрести немного этого порошка.

- Не возражаю, - неожиданно легко согласился священник. - Вы можете купить столько, сколько сочтете нужным, а все оставшееся заберу я. Надеюсь, господин барон, вы понимаете, что никто с собой такие суммы не возит? Но в моем епископстве есть прочные, глубокие подвалы. Я прикажу своим воинам проводить вас в замок и принять там, как дорогого гостя. Мне же крайне необходимо совершить один визит, после чего я немедленно вернусь к вам и мы проведем окончательный расчет. Вас устраивает такое предложение, барон?

- Вполне, - с уважением поклонился епископу французский дворянин.

- Сразу после рассвета охрана будет ждать вас у ворот дома, барон. У вас есть конь?

- Еще не купил, мсье епископ...

- Они приведут лошадей для вас и вашего багажа. До встречи в замке, барон.

Дерптский епископ, не тратя время на изучение полученных в ходе опыта слитков, покинул купеческий дом в сопровождении местного аббата. Алхимик, проводив его вежливым поклоном, выпрямился и кинул на Регину торжествующий взгляд. Какие невероятные совпадения преподносит порою судьба: всего несколько часов назад он оценил эту женщину на вес золота - и вот теперь может легко и просто оплатить за подобный каприз. Не удержавшись, он обогнул ушедших в общие подсчеты торговцев и приблизился к хозяйке дома.

- Если вы не передумали, я жду письма, - тихо сообщила юная особа и громко продолжила: - Курст, дорогой! Я устала, я пойду к себе.

Купец, занятый переговорами, не отреагировал.

– Вот так, – вздохнула Регина.

– Мне кажется, вы приносите удачу, – прошептал барон. – Теперь я не расстанусь с вами ни за что и никогда.

Регина улыбнулась и, приподняв подол платья, направилась к люку. Анри дю Тозон, окинув жадным взором ее высокую грудь и зажатую корсетом талию, вернулся к столу. Помимо епископского золота он рассчитывал получить хороший куш еще и с горожан.

Рыцарь

Воинский лагерь широко раскинулся на берегу мелководной Мятагузы. На утопанных площадках между высокими белыми шатрами горели костры, распространяя вокруг запахи жаренного мяса, отовсюду доносились звуки литавров и лютен, громкий женский смех и мужские голоса. Армия ждала наступления.

Впрочем, ничего другого епископ Дерпта увидеть и не ожидал. Отряды из городов Вильмы, Пайды и Риги, устав от вынужденного безделья и получив деньги всего за два месяца службы, ушли по домам, рыцари Ордена, исповедующие католичество, разошлись по своим фогтиям, и с сыном Готарда Кетлера остались только самые преданные воины и местные ливонские дворяне, частью связанные вассальной присягой, а частью отправившиеся в поход просто развеяться от скуки. Обстановка лагеря с возможностью веселого коллективного пьянства и разврата этих вояк вполне устраивала, а жалованья за службу они все равно не получали.

О том, что епископ в сопровождении двух воинов въезжает в бивуак святого воинства, а не цыганский табор, свидетельствовали только пара скучающих у дороги караульных, да развевающиеся у шатров флаги с орденскими или родовыми гербами. Караульные одетого в кардинальские одеяния гостя останавливать не решились, хотя и под благословение не подошли, и гость проследовал к центру лагеря, мысленно оценивая имеющиеся здесь силы. С высоты седла было видно около сотни шатров. Это означало присутствие примерно такого же числа благородных воинов, каждый из которых привел с

собой от двух до десятка простых латников. Получалось, что в целом под рукой кавалера Ивана находилось немногим более полутысячи мечей. На глазок, около семисот. Если усилить его кнехтами, уже марширующими назад в лагерь, и епископской дружиной, получится вполне боеспособная армия. Сто лет назад великий магистр Ульрих Югинген повел на завоевание Литовского княжества одиннадцать тысяч воинов – но тогда ему противостояла объединенная польско-литовская армия, а не дикие и обезлюдившие после мора языческие земли. Для взятия Новгорода полутора тысячного кулака вполне хватит, а потом...

Дерптский епископ улыбнулся – потом он уедет в Рим, и отношения затерявшейся в диких лесах армии и московского царя его уже не коснутся.

Маленький отряд остановился возле центрального шатра, его глава спешил и шагнул внутрь. К чести кавалера Ивана, он всеобщему разгулу не предавался, а изучал трактат итальянского алхимика Берегуччо Ваноччо об изготовлении пороха. Епископ моментально вспомнил, как совсем недавно уже слышал имя, вынесенное на обложку поставленной на пюпитр книги, и мысленно отметил, что по крайней мере в знании современных ученых гапсольскому алхимику отказать нельзя.

– Господин епископ?! – узнал гостя рыцарь, и с готовностью принял благословение, поцеловав затем руку священника.

– Готовитесь к новым битвам, сын мой? – указал епископ на раскрытый трактат.

– Если мы хотим привести язычников к истинной вере, то нам необходимо знать их оружие, – с готовностью ответил командующие ливонской армией. Похоже, он уже давно ждал этого вопроса и заранее к нему подготовился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/cherep-episkopa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)